

5.90 DM

ЗЕРКАЛО ЗАГАДОК 2

Культурно-политический журнал

**Spiegel der
Geheimnisse 2**

Berlin, Dezember 1995
Magazin für Kultur & Politik

ЗЕРКАЛО ЗАГАДОК

независимый культурно-политический журнал на русском языке

Выпуск 2, Берлин, декабрь 1995

Редакция

главный редактор

Игорь Полянский

литературный редактор

Мина Полянская

технический редактор

Борис Антипов

отдел рекламы

Яна Кириллова

Редакционная коллегия

Надежда Брагинская,

Ирина Вербловская,

Томас Габлер,

Валерий Поршневу,

Матиас Шварти

Корреспонденты

Мюнхен: Аркадий Полюнский

Иерусалим: Соня Бабкова,

Митя Горосhevский

Zerkalo Zagadok

(Spiegel der Geheimnisse)
unabhängiges russischsprachiges
Magazin für Kultur & Politik
Heft 2 / Berlin 1995

Redaktion

Chefredakteur Igor Polianski

Literaturredakteurin Mina Poleanski

Technischer Redakteur Boris Antipov

Werbung und Anzeigen Jana Kirillova

Redaktionsbeirat

Nadeschda Braginski, Thomas Gabler,

Valerij Porschnev, Matthias Schwartz,

Irina Werblowski

Korrespondenten

München: Arkadij Polonski

Jerusalem: Sonja Babkow,

Mitja Goroshevski

EDITORIAL

Дорогие читатели, настало время объясниться и разгадать загадки из сентябрьского номера "ЗЗ". На второй странице обложки вы видели портрет знаменитого аргентинского писателя Хорхе Луиса Борхеса. На фотографии он закрыл лицо рукой, поэтому не удивительно, что некоторые читатели его не узнали.

Именно Борхес написал эссе "Зеркало загадок" и, таким образом, он - автор названия этого журнала.

Многим читателям знаком израильский журнал "22", названный так по числу букв еврейского алфавита. В русском языке: ЗЗ буквы, поэтому сокращение ЗЗ (Зеркало загадок) представляется нам вполне уместным для русскоязычного издания.

Идеи аргентинского писателя близки членам нашей редакции. В стихах и прозе он пытался преодолеть кризис того зеркала, в котором мы видим отражённый - искажённый мир. Нам хотелось бы, по возможности, следовать этому принципу. В биографии Борхеса есть ещё один замечательный эпизод, благодаря которому его портрет в стартовом номере "ЗЗ" приобретает особое значение. Однажды двадцатипятилетний Борхес в Буэнос-Айресе с друзьями, начал издавать журнал под названием "Проа". В автобиографических заметках он писал: "Каждый из нас внёс 50 песо, что было достаточно для издания от трёхсот до пятисот экземпляров без опечаток и на хорошей бумаге... после полутора лет и пятнадцати выпусков нам пришлось из-за отсутствия подписчиков и рекламы прекратить издание журнала". Надеемся, что судьба "Зеркала Загадок" сложится удачнее.

Игорь Полянский

Дизайн/Design

Support Agentur Gabler & Lutz GbR

Печать/Druck: Weinert GmbH

Адрес редакции/ Redaktionsadresse

Zerkalo Zagadok, Torstr. 7 B 2, 10119 Berlin.

Tel./Fax: 441 03 48.

Im Verlag der SupportEdition

Postfach 610378, 10926 Berlin.

Bei namentlich gezeichneten Beiträgen liegen
Rechte und Verantwortung bei den Autoren.

ISSN 0949 - 2089

Содержание

Политика, экономика

"Мне незачем было меняться" Встреча с уполномоченной Сената
по делам иностранцев Барбарой Йон

Иосиф Химмельман 3

Коричневая напасть

Борис Антипов 6

Табачные гиганты Запада становятся гигантами Востока

"Уолл-стрит джорнэл" 7

Правый экстремизм. Несвоевременные мысли

Иосиф Химмельман 8

Обзор общественной жизни

"Ладья без руля и ветрил"

Обзор дискуссии о судьбах еврейской эмиграции в Америке

Игорь Полянский 12

Juden rein! Загадка возрождения общины Адаасс Исроел

Хенрик. М. Бродер 20

Прогулки по Берлину

Набоков о Берлине. Роман "Другие берега"

Мина Полянская 27

Литература, искусство

Хочу за границу

Рассказ. Наталья Толстая 34

Соседка. Невыдуманная история

Людмила Железняк 38

О "воительнице". Мина Полянская 40

Пресса русского зарубежья "ЗЗ" 41

Криминальная хроника

Процесс. Дело Симпсона

Игорь Полянский 42

Рубрики:

Зазеркалье

Гений или около? Выдумка посильнее, чем Фауст:

Троцкий является потомком Пушкина

Александр Афанасьев 46

Последний акт. Самоубийцы

Александр Мелихов 49

Немецкий язык для начинающих родителей

Редакцию консультирует Дирк Гёттинг 54

Наша юридическая справка. Иосиф Химмельман 55

Политическое убежище в "ЗЗ". Отвечаем на письма читателей 56

На обложке: 1 стр. Замок, ставший одним из прообразов для романа Ф. Кафки "Замок",
2 стр. В. Набоков, 70 - е годы, 3 стр. сцена в еврейском квартале Scheunenviertel,
Berlin, 1938, 4 стр. русский Нью-Йорк

"Мне незачем было меняться"

Встреча с уполномоченной Сената по делам иностранцев Барбарой Йон 12-го октября 1995 года.

Четырнадцать лет назад в Западном Берлине проживало около 280 тыс. иностранцев. Их количество увеличивалось с каждым годом, однако не только в Берлине, но и во всей стране не существовало ещё специального государственного учреждения, которое бы защищало их интересы. Такая ситуация обеспокоила, видимо, тогдашнего бургомистра Берлина Рихарда фон Вайцекера, предложившего создать новую должность, а именно: пост уполномоченного Сената по делам иностранцев.

Однажды в 1981 году в кабинете научного ассистента факультета германистики Свободного Университета Берлина Барбары Йон зазвонил телефон. Зазвонил он, надо сказать, не случайно. Госпожа Йон была в то время членом правящей партии страны ХДС и имела опыт работы с иностранцами: вела для них курсы немецкого языка в университете. Было бы ошибкой сказать, что представитель Сената, позвонивший Б. Йон по просьбе бургомистра, просто предложил

ей возглавить "амт" уполномоченной по делам иностранцев. Учреждение это существовало ещё только на бумаге, и начинать работу нужно было с нуля. По словам самой Барбары Йон, в первые годы своей деятельности она чувствовала себя "авантюристой".

Сегодня, в 1995 году в объединённом Берлине живёт 425 тыс. иностранцев, то есть за четырнадцать лет пребывания Б. Йон на посту уполномоченной число их увеличилось в полтора раза. Возможно, в шутках её коллег, утверждающих, что это она "переманила" в Берлин тысячи иностранцев, есть доля истины, если учесть тот факт, что в 1991 году иностранцы составляли 8 процентов населения Западного Берлина, а сейчас - 11 процентов, в то время как в Восточном Берлине до объединения их было мало - всего 1 процент.

Двенадцатого октября 1995 года русскоязычная культурная и общественная организация - клуб "Диалог" - организовала в рамках цикла "Моя история" встречу с уполномоченной Сената "по нашим делам" Барбарой Йон. В зале было много людей и это не удивительно. Интересно и важно знать, кто конкретно оказывает влияние на политику Земли Берлин в отношении иностранцев, не на абстрактную "большую" политику вообще, а на ту, которая столь ощутима, а иногда и болезненно сказывается на наших судьбах.

Впрочем, главной темой встречи была не политическая деятельность, а личная биография значительного лица Сената. Вспоминая "Шинель" Гоголя, добавим: речь шла не о "значительности", а о "лице", "частном человеке". Барбара Йон, вероятно, весьма ясно осознаёт грань между этими двумя ипостасями. Во время беседы она заметила, что политика и членство в партии очень часто вступают в противоречие с человечес-

кой натурой и личной волей. Как бы то ни было, она пришла на встречу с иностранцами, в данном случае - русскими, что является неотъемлемой частью её служебной деятельности. Потому назовём этот репортаж служебной встречей на неслужебную тему.

Беседу вела руководитель клуба "Диалог" Татьяна Форнер, переводила Ирина Хермлин.

Репортаж печатается с сокращениями.

Б. И. о своём детстве.

Я родилась в 1938 году под знаком Козерога и принадлежу к поколению детей войны. Мне было 6 лет, когда в деревню неподалёку от Бреслау, куда мы с матерью уехали в эти трудные времена к деду, вошли русские войска. Тогда я и выучила первые слова по-русски. Мы, дети, выбегали на улицу навстречу солдатам и кричали: "Хлеб! Масло!" Мы получали и то, и другое. Так что мои детские встречи с русскими связаны, в основном, с позитивными воспоминаниями. Хотя, конечно же, в те времена войны бывало разное... Я помню, например, как женщины по вечерам уходили из деревни, прятались в лесу. Изнасилования солдатами были тогда частым явлением...

Т. Ф. Госпожа Йон, расскажите о временах вашего студенчества. Могли бы вы отнести себя к поколению 68-х?

Б. И. Моя учёба пришлась как раз на те несложные времена, когда университеты шумели, а студенты выбрасывали профессоров из окон. Но я лично никогда не чувствовала себя сторонницей этого движения. И я очень хорошо знаю почему. Движение 68-х явилось своеобразным протестом против поколения родителей, попыткой нравственного осмысления нацистского прошлого Германии, попыткой прервать молчание, связанное с этим прошлым. Старый порядок должен быть разрушен, мы и наша страна должны измениться - таковы были лозунги тех лет. Но дело в том, что мне в этом смысле незачем было меняться. Мои родители

не были нацистами, они происходят из католической семьи, и, хотя бы из религиозных соображений не могли иметь ничего общего с жестокой идеологией национал-социализма. Против кого же мне было восставать?

Было ещё множество моментов, оттолкнувших меня от поколения 68-х, например софистские рассуждения о том, что насилие против личности - это одно, а против собственности - совсем другое. Я не могла этого принять. Поворотным пунктом, окончательно сформировавшим моё отношение к этому движению, явился разрыв со многими коллегами, когда они узнали, что я вступила в ХДС. Собственно, я мало знала об этой партии, но дело в том, что в ней состоял мой отец. Он часто брал меня с собой, и люди в ХДС показались мне симпатичными. Поэтому, когда мне предложили вступить в эту партию, я согласилась.

После этого события, а я в то время преподавала немецкий язык в Техническом Университете, многие коллеги, с которыми я до этого была дружна, отвернулись от меня, некоторые не подавали больше руки. Я для них превратилась вдруг в реакционерку и капиталистку. Вот тогда мне и стало ясно, как безжалостны бывают идеологи и идеологии.

Т. Ф. Тем не менее, вы остались в политике.

Б. И. Я не знаю, вообще-то, в политике ли я... Я уверена, что и будучи членом партии, можно оставаться "аусензайтером", сохранять дистанцию. Кроме того, я бы никогда не вступила в партию, которая стремилась бы устанавливать контроль над людьми. Для меня главным является суверенность каждого гражданина. В этом смысле я - сторонница американской точки зрения: государство всегда должно находиться под контролем со стороны населения.

Т. Ф. Скажите, что изменилось в вашей работе в связи с объединением Восточного и Западного Берлина?

Б. И. Знаете, существуют два типа полити-

ков. Первый - это тип "начальника пожарной команды". Метод работы такого политика: сначала поджечь, потом героически потушить и праздновать победу.

Я отношу себя к другому типу. "Не дать возникнуть пожару" - так бы я сформулировала свой принцип работы. Конечно же, такая деятельность не бросается в глаза. Если не возник пожар, то невозможно победоносно с сиреной промчаться по городу. Зато эффект от такой незаметной работы намного больше. Вот, например, после объединения Берлина, мне необходимо было объяснить бывшим гражданам ГДР, что здесь живёт много турок и других иностранцев, что они находятся здесь по праву.

Т. Ф. Ещё один короткий вопрос: русские создают вам много проблем?

Б. И. . . . я не могу сказать, что русские создают проблемы. Наоборот - у них у самих множество проблем, прежде всего связанных с поисками работы. Очень часто в дискуссиях заходит речь о русской мафии. Но дело в том, что мафия - весьма расплывчатый образ. Это прежде всего люди, которые, во-первых, не живут в Берлине, а только приезжают сюда, а, во-вторых, они очень часто говорят только по-русски, и их за таковых держат. На самом же деле, эти люди - вовсе не обязательно русские. Именно в связи с тем, что возникает множество легенд, я выпустила брошюру под названием "Русские в Берлине".

Т. Ф. Вы часто приезжаете на встречи во всевозможные культурные объединения для иностранцев. Вам задают множество вопросов. Среди них, конечно же, бывают смешные, курьёзные . . .

Б. И. И очень часто! Первый вопрос: "Вышли бы вы замуж за турка?", второй: "Почему вы до сих пор в ХДС?" и третий: "Почему у вас нет детей?"

Вопрос из зала. Госпожа Йон! Я приехал сюда по закону о воссоединении семей в пенсионном возрасте. Могу ли я рассчитывать на пенсию здесь, в Германии?

Б. И. К сожалению, положение после объединения изменилось. У СССР был заклю-

чён с ГДР социальный договор о пенсиях, а соглашение об объединении Германии предусматривало продление его действия до 1995 года. В этом году договор теряет силу. Не существует также планов заключения подобного договора между ФРГ и Россией в ближайшее время.

Вопрос из зала. Госпожа Йон, вы принимали участие в создании "Мастерской Культуры" в Западном Берлине. Существует ли проект подобного типа на Востоке? (ред. Werkstatt der Kulturen in Berlin, Wissmannstraße 31-33, Neukölln.)

Б. И. Создание "Мастерской Культуры" было для меня очень важным событием. В течение 10 лет мы добивались финансирования этого проекта. В конце концов, несмотря на все трудности, деньги, а это - 20 миллионов, получить удалось, культурный центр был создан. Мы очень хотим, чтобы и выходцы из Восточной Европы бывали в нём чаще.

И. Х. "Зеркало Загадок". Госпожа Йон, вам как уполномоченной Сената по делам иностранцев, несомненно, часто приходится сталкиваться с чиновниками берлинского Отделения Полиции для Иностранцев. Как вы оцениваете методы работы, принятые в этом учреждении?

Б. И. . . . как требующие серьёзного улучшения.

"Зеркало Загадок". Ещё один вопрос. Вы отметили, что будучи членом какой-либо партии, можно оставаться в роли "аусензайтера". Существуют ли у вас разногласия с коллегами в Берлине и с уполномоченными по делам иностранцев в других федеральных землях?

Б. И. Разногласия, конечно же, есть. Так, например, я, вероятно, была единственной среди моих коллег, кто стоял за изменение закона о политическом убежище (ред. Asylverfahrensgesetz).

Я не могла согласиться с таким положением дел, что мы привлекаем, соблазняем людей законом об убежище, а затем выдво-

ряем их из страны. На мой взгляд, впускать нужно только тех, кто действительно нуждается в нашей помощи. По-моему, неверно так рассуждать: "пусть в Германию въезжают все подряд, а уж потом мы их рассортируем, а лишних выбросим из страны."

Вопрос из зала. По опыту собственной работы, которая, как и ваша, связана с людьми, с их трудными судьбами, я знаю, как нелегко, вернувшись домой, избавиться от стресса. Как это удаётся вам?

Б. П. Я отдаю себе отчёт в том, что если я хочу продолжать работать, и работать хорошо, то я должна оставаться в форме. Поэтому я, например, бегаю по утрам вокруг дома. Тем не менее не всегда удаётся избавиться от стресса, и это - нормально. Я полагаю, что это противостоит, когда человек говорит: "Рабочий день прошёл, я закрываю дверь, и конец." Многие служебные проблемы я обдумываю дома, ночью они часто не дают мне уснуть. . .

Иосиф Химмельман

Корицневая напасть

Немецкий правый радикал Йоахим Зигерист стал одним из ведущих политиков Латвии.

Борис Антипов

Приключенческий роман знаменитого английского писателя Ивлина Во "Чёрная напасть" - не о Латвии. Действие романа происходит в молодой африканской республике Азании, выдуманной автором.

Главный герой романа Бэзил Сил, сын богатых и высокопоставленных родителей, бездельник и лентяй, впрочем, получивший прекрасное образование, отправляется искать счастья в Азанию. Почему в Азанию? Да потому, что именно в такой "новорождённой" и дикой республике, среди людей, не освободившихся ещё от колониальных комплексов неполноценности, англичанину, образованному молодому человеку, не нужно никому на родине, могут открыться самые блестящие шансы сделать карьеру. Расчёт Бэзила Сила оказался верным. Он получил пост главы специально созданного для него "министерства модернизации" и по сути стал хозяином страны.

Мы не знаем, читал ли господин Йоахим Зигерист, в прошлом свободный журналист, печатавшийся во многих немецких изданиях, в том числе в "Hörzu", а затем -

шеф праворадикальной партии "Die Deutschen Konservativen", роман Ивлина Во. Однако можно предположить, что этот политический неудачник у себя на родине, отправившись в Латвию, руководствовался теми же соображениями, что и Сил Бэзил. Сегодня он - глава националистической партии "За Латвию", занявшей по результатам последних выборов третье место в стране.

Свою политическую карьеру сын немца и латышки Зигерист, родившийся в Шлезвиг-Гольштейне, начал в лагере правых радикалов, однако партия, которую он возглавлял, провалилась на выборах. Ещё в восьмидесятых годах его оштрафовали на крупную сумму за оскорбление Вилли Брандта. Зигерист назвал его тогда предателем фатерланда. А в 1994 году за расизм и разжигание межнациональной вражды он был приговорён к 18 месяцам лишения свободы. Что и говорить, добиться успеха в Германии, будь ты правый, левый или обыкновенный центрист, нелегко. Иное дело - суверенная Латвия, молодая республика, с наде-

ждой взирающая на Запад. Успех Зигериста на выборах для многих явился неожиданностью. Основанная в 1994 году партия "За Латвию" получила 15 процентов голосов. Таким образом она обеспечила себе 16 из 100 мандатов в Латвийском парламенте. Это - большая победа, если учесть, что правящая партия "Путь Латвии" и левая группировка "Сайменис", возглавляемая министром внутренних дел страны Цидонисом Цеверсом, получили каждая по 18 мандатов.

Как и во всех постсоциалистических странах, обстановка в Латвии представляет собой благоприятную почву для развития национализма. Здесь всё отчётливее прослеживается контраст между "новыми бедными" и "новыми богатыми". Среднестатистическая пенсия латыша равняется примерно 100 маркам. Поэтому, заявления Зигериста типа: "80 процентов политиков - коррумпированы", встречают поддержку в народе.

Тактика немецкого политика проста и традиционна: он оказывает финансовую помощь инвалидам, открывает столовые для нищих, а избирателей заманивает на выборы "пряниками" постсоциалистической эпохи - бананами.

Партия, насчитывающая по заявлению Зигериста около 15 тыс. человек, обещает народу благосостояние и стабильность. А тот факт, что Зигеристу во время его речей часто приходится прибегать к помощи переводчика, придаёт им ещё большую привлекательность. Выходец из страны достатка стал в глазах многих латышей посланцем достатка. Не удивительно, что миллионы обездоленных и неимущих граждан Латвии не могут устоять перед очарованием богатства.

Табачные гиганты запада становятся гигантами востока

НЬЮ-ЙОРК - Три западные табачные компании - "Филип Моррис", "Рейнольдс" и "Бритиш-Америкэн тобакко" - с 1992 года теснят российских производителей сигарет, захватывая доминирующие позиции на тамошнем рынке.

В России западные корпорации глубоко пустили корни, скупая контрольные пакеты акций у местных табачных фабрик, а вместе с ними и права на табачную продукцию. Они приступили к выпуску относительно дешёвых российских сигарет, а также своих - "Мальборо" и "Кэмэл", тем самым подминяя под себя весь рынок и наращивая прибыли.

"Я не думаю, что российские компании в долгосрочной перспективе смогут конкурировать с такими большими корпорациями, как наша, - полагает вице-президент

"Филип Моррис" Андреас Гемблер. - Молодёжь в России уже не может жить без американских сигарет".

С 70-х годов, когда под ногами западных табачных компаний стала тлеть земля, "Филип Моррис" и другие корпорации перераспределились на зарубежные рынки. Наибольшие выгоды сулит Восточная Европа, особенно бывший Советский Союз. В России почти треть 150-миллионного населения курит, а с сигаретами постоянные перебои. Следствием отечественного дефицита и стало то, что, по данным фирмы "Саломон бразерс", в бывшем советском блоке продано 575 миллиардов американских сигарет, в то время как в самих США - 490 миллиардов. На долю "Филип Моррис" приходится уже 24 процента восточноевропейского табачного рынка, 12 процентов - у

"Рейнольдс", 10 процентов - у "БАТ".

В этом году "Филип Моррис" планирует продать в России 135 миллиардов сигарет. Хотя корпорация и намеревается построить в следующем году новую фабрику в Санкт-Петербурге, стратегия захвата строится на приобретении уже существующих предприятий. 60 миллионов долларов она вложила в краснодарскую табачную фабрику, купив 49 процентов её акций, и создала совместное предприятие по выпуску сигарет в Самаре.

"Рейнольдс" и "БАТ" рассчитывают продать соответственно 70 и 60 миллиардов сигарет. Обе эти компании также владеют фабриками в России: в Санкт-Петербурге, Армавире, Ельце, Москве и Саратове.

Попытка американцев и англичан наладить производство фирменных сигарет в России, сэкономя на производственных расходах и транспортировке, провалилась, так как Россия, привыкнув к тому, что "советское - значит шампанское", отвергли американские сигареты российского происхождения. Поэтому компания "Филип-Моррис", начав было выпускать в России "Мальборо", отказалась от этой затеи, а "Рейнольдс табакко", по всей видимости, последует её примеру.

"Уолл-стрит джорнэл"

Подписывайтесь на журнал ЗЕРКАЛО ЗАГАДОК

*Spiegel der Geheimnisse
Speculum in aenigmatē*

Талон на подписку

Прошу выслать мне . . . номеров "ЗЗ"

.....

Имя, Фамилия

.....

Адрес

.....

Тел.

Цена подписки на 3 номера - 20 DM
на 6 номеров - 30 DM

Адрес редакции

ZERKALO ZAGADOK

Torstr. 7 B 2, 10119 Berlin

Tel. (030) 441 03 48 , 441 03 59

Правый экстремизм

Несвоевременные мысли

Иосиф Химмельман

В контексте немецкой прессы осенью 1995 года эта небольшая статья может показаться неуместной. В канун пятидесятилетия победы над фашизмом тучные поля неонацистской темы были "сжаты" средствами массовой информации подчистую и стоят в ожидании следующего сезона

"под парами". К счастью, история богата памятными датами, а девятое ноября для Германии - день особый. Девятое ноября 1918 года - провозглашение республики, 1923 года - гитлеровский путч, 1938 года - знаменитая "кристальная ночь", 1989 года - падение берлинской стены.

Эти четыре исторические события прямо или косвенно связаны с правозэкстремистским движением в сегодняшней Германии. Признаемся, охарактеризовать его нелегко: экстремизм - понятие по определению относительное. Мы давно уже не удивляемся тому, что стороннего наблюдателя привело бы в смущение, а если учесть тот факт, что правящая Христианско-Демократическая Партия сама становится всё более консервативной, - то трудно найти точку отсчёта. Поэтому приведём несколько цифр.

По данным прошлогоднего опроса общественного мнения, 20 процентов немцев (т. е. каждый пятый) не хотели бы вступать в какие-либо контакты с евреями. Альманах Федерального правительства за 1994 год публикует следующую статистику: начиная с 1987 года число членов правозэкстремистских организаций значительно возросло, главным образом благодаря успехам Немецкого Народного Союза и другой крупной организации, - ныне запрещённой Свободной Рабочей Партии. К началу 1993 года в Германии насчитывалось 82 правозэкстремистских организации с общим числом членов около 42 тыс. человек. Из них - 6 тыс. 400 - военизированных экстремистов.

Число "неорганизованных" нацистов значительно выше. В 1994 и 1995 годах многие, правозэкстремистские организации были запрещены. В то же время из страны высылались и до сих пор высылаются в огромных количествах иностранцы, якобы "провоцирующие" население, по принципу: "если не хотите разводить мышей - содержите свой дом в чистоте". Действительно, принятие нового, более жёсткого закона о политическом убежище ("азили") временно успокоило общественность.

Что касается правозэкстремистских организаций, стоит упомянуть об одной юридической тонкости: такую *организацию* может запретить Министерство Внутренних Дел, тогда как судьба правозэкстремистской *партии* решается на более высоком уровне. До последнего времени такой самой крупной партией являлась НГД (Национальная Партия Германии). Против её председателя Гюнтера Декерта, распространявшего так называемую "ложь об Освенциме", то есть утверждавшего, что уничтожение евреев - выдумка самих же евреев, было возбуждено уголовное дело. Впрочем, судья Райнер Орлет из Манхайма оказался человеком пожилым и "душевным". Он официально "оценил" Декерта как хорошего семьянина, человека глубоко ответственного и действующего по голосу совести. В результате Декерта приговорили к одному году условно. Но тут возмутилась общественность, и вышестоящий Федеральный Суд, отменив "приговор Орлета", передал дело в Земельный Суд Карлсруэ, вынесший 1 апреля 1995 года более суровое решение - 2 года лишения свободы.

До недавних пор другой влиятельной правой организацией была партия Республиканцев. Однако в этом году ей был нанесён ощутимый удар, и она почти повсеместно провалилась на выборах. Таким образом, политика кнута и пряника (в который раз!) увенчалась тактическим успехом. Усиление борьбы с правозэкстремистскими организациями с одной стороны и ужесточение законов по отношению к иностранцам - с другой рассеяли ряды прхивых. Впрочем, наблюдается опасная тенденция: многие бывшие сторонники Республиканской Партии, видимо, удовлетворённые новой политикой властей, поддерживают сегодня правящую партию ХДС. Другие - непримиримые - переметнулись к PDS. "Раствор" нацизма в стране "разбавился", но, к сожалению, перераспределённое "количество

враждебности" осталось прежним.

Что же касается большинства средств массовой информации, то они продолжают создавать ложную картину, пытаясь убедить общественность страны и - главное - "заграницу" в том, что это отдельные экстремистские группировки (не только правые, но и левые!) мешают жить честным гражданам. Однако можно ли назвать "отдельными группировками" сотни или даже тысячи восточнонемецких средних учебных заведений, в которых сегодня приветствие "хайль Гитлер" превратилось в общепринятый эквивалент "гутен таг". Экстремизм ли это? Нет - это "норма жизни". Летом туристские молодёжные гостиницы, скажем, Саксонии или Тюрингена, куда школьники классами выезжают на "организованный" отдых, представляют собой зрелище, способное переубедить любого, пытающегося утверждать, что обстановка в стране "налаживается".

Учителя обычно закрывают глаза на развлечения своих подопечных. О них - учителях, взрослых, почтенных гражданах стоит поговорить отдельно. В связи с этим нельзя не вспомнить одно знаменательное событие этого года, отражающее тенденции в той самой "почтенной части" немецкого общества. В марте Германия отмечала день рождения писателя-фронтовика, философа и историка Эрнста Юнгера, последователя греческих классиков, Гёте, Ницше и Шопенгауэра. Жан Поль Сартр сказал о нём однажды: "Я ненавижу его не как немца, но как аристократа".

В марте на страницах газет появились портреты Эрнста Юнгера, стоящего рядом со своим прижизненным монументом. Ему исполнилось 100 лет. Впрочем, он свеж и подвижен. Юнгер редко принимает гостей у себя в Швабских Альпах, но Хельмуту Колю и Франсуа Миттерану, которые на вертолёте прилетели к нему в Альпы, он сделал исключение (как он сделал это для них и в свой девяностолетний юбилей).

Коль и Миттеран долго любезались с Юнгером под шум пропеллера, а потом втроём ушли в кабинет и уединились. О чём говорили старики? Никто этого не знает. Но, вероятно, было о чём.

Эрнст Юнгер уже в 1913 году маршировал в иностранном легионе. В 1914 году добровольцем пошёл на первую мировую войну, стал офицером, был награждён прусским орденом (за который, кстати, по сей день ежемесячно получает 25 марок).

В 1922 году он написал свою знаменитую книгу "В стальных грозах", ставшую впоследствии настольной книгой Гитлера. "*Национальному вождю, Адольфу Гитлеру*" гласила дарственная надпись, сделанная рукой Юнгера. Книжка была написана очень боевито: там шла речь о мужестве настоящих мужчин, о немецкой доблести и прочем подобном. В 30-х годах он написал множество статей и книг, в частности о космологии человечества, в таком же метаисторическом духе. Юнгер утверждал, что настало время титанов, что теперь - эпоха семени великих и новых людей. Многие не было опубликовано после войны. Но если почитать эти работы, то там, между планетарными рассуждениями о немецкой расе можно многое узнать и о других народах. Например, о том, что евреям не место в новой эпохе титанов.

В национал-социалистическую партию он не вступил, но, видимо, потому, что был

несколько брезглив и ему не нравилось слово "социализм".

Кроме того, в 1939 году Юнгер написал книгу "На мраморных рифах", которая отчасти спасла его репутацию. Некоторые современные исследователи полагают, что он в этой книге делал критические намёки на диктатуру Сталина. Но Геббельс решил, что Юнгер имеет ввиду Гитлера. И не сносить бы головы Юнгеру, если бы сам Гитлер не защитил своего любимого писателя. Зато после войны о Юнгере сказали, что он был в оппозиции. Во время Второй Мировой войны писатель служил в чине капитана в оккупированном Париже и встречался там с Пикассо и прочими знаменитостями. Бомбардировку Парижа он описывал так: *"Всё это было представлением и игрой, чистой болью, утверждённой и возвышенной властью."*

Небезынтересными представляются дневники Юнгера (опубликованные лишь частично), где он, например, описывает приведение в исполнение одного смертного приговора. Это событие вдохновило его на пространные рассуждения о ценности человеческой жизни. В Германии мало кому известно, что остался в живых ещё один свидетель этой казни, наблюдавший за тем, как некий офицер в белых перчатках собственноручно расстреливал заключённого. По его описанию, этим офицером был сам Эрнст Юнгер.

И вот в 1995-м году он празднует день рождения с Колем и Миттераном, демонстрирует им свою коллекцию, состоящую из 6 тыс. экземпляров засушенных и наколотых на булавочки жуков (Юнгер, плюс ко всему - известный энтомолог-любитель). Так что им есть о чём поговорить. А нам, соответственно, есть, о чём задуматься.

Ш а л о м !

**Община месснянского иудаизма
сердечно приглашает Вас на наши встречи**

Мы верим, что Иешуа хаМашнах - традиционно Иисус Христос - является обещанным Мессией Израиля и Спасителем всего мира

Мы - счастливые люди, потому что живём в мире и общении с Богом, и счастливые евреи, потому что знаем истинного Мессию.

Если Вам не безразличен вопрос Ваших взаимоотношений с Богом, вопрос предельно важный для Вашего настоящего и будущего, если Вы интересуетесь предназначением и историей еврейского народа, то мы ждём Вас и будем рады Вас видеть по адресу:

Werbellin Str. 32 , Berlin - Neukölln (U. Rathaus Neukölln)

Наши встречи проходят каждую субботу в 14.00

О наших встречах в Гамбурге Вы можете узнать по адресу:

I. Schechtman, H. Interrast , Reeperbahn 170, 20359 Hamburg.

"... мы нашли Того, о Ком писали Моисей в Торе и пророки, Иисуса, сына Иосифа, из Назарета..." (Иоан 1 : 45)

”Ладья без руля и ветрил”

Обзор дискуссии о судьбах еврейской эмиграции в Америке
Игорь Полянский

Я предстал перед взорами многих людей, которые, прислушавшись, быть может, к той или иной обо мне молве, воображали меня в ином обличье. В глазах их не только унижалась моя личность, но и обесценивалось каждое моё творение, как уже созданное, так и будущее.

Данте Алигьери, ”Пир”

К. прибыл поздно вечером. Деревня тонула в глубоком снегу. Замковой горы не было видно. Туман и тьма закрывали её, и огромный Замок не давал о себе знать ни малейшим проблеском света. Долго стоял К. на деревянном мосту, который вёл с проезжей дороги в Деревню, и смотрел в кажущуюся пустоту.

Потом он отправился искать ночлег.

Франц Кафка, ”Замок”

Английские, немецкие, французские власти где-то, в мутной глубине своих гланд, хранили интересную идейку, что, как бы дескать плоха ни была исходная страна (в данном случае, советская Россия), всякий беглец из своей страны должен априори считаться презренным и подозрительным. . .

Владимир Набоков, ”Другие берега”

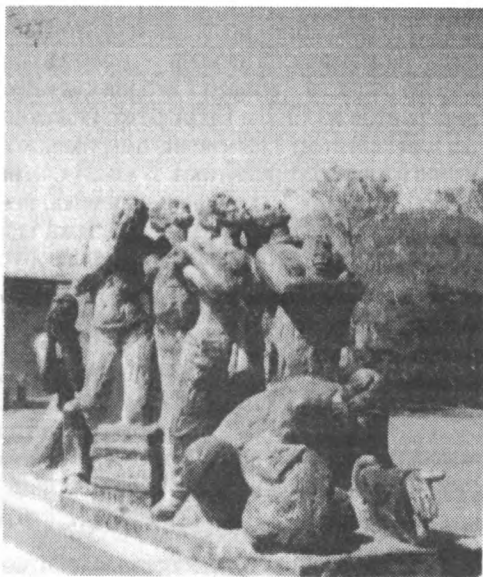
Три эпиграфа, предваряющие этот обзор, - не праздное эпигонство. Вступая на зыбкую почву эмигрантской темы, невольно погружаешься в её атмосферу и зачастую сам уподобляешься ”ладье без руля и без ветрил”, которую носит ”сухой ветер, вздымленный горькой нуждой” (Данте, ”Пир”). В дезориентированной полемике о дезориентированных людях нам необходимо найти тех ”духовных союзников”, которые не позволили бы нашей ”ладье” в сиюминутных спорах пойти по ложному курсу. Пусть ими будут Данте Алигьери, умерший на чужбине, Набоков, 19-ти лет отроду покинувший Россию, и Кафка, эмигрант ”по рождению”, для которого жизнь даже на родине оставалась вечным изгнанием.

Подобно протагонисту из романа Кафки ”Замок”, каждый сегодняшний эмигрант однажды в своей жизни (или не однажды) сошёл с ”проезжей дороги”, ”смотрел в кажущуюся пустоту” незнакомой жизни, а затем ”отправился искать ночлег” в чужую

Деревню, живущую по собственным, нам не всегда очевидным правилам. Рано или поздно нужно было решать: принимать эти правила или нет.

Статья доктора наук Нелли Фрейнкман ”Особенности психологической адаптации советских эмигрантов ”четвёртой волны” в Европе”, опубликованная в сентябрьском номере ”Зеркала загадок”, вызвала резонанс, а после того, как во время презентации нашего журнала на радиостанции ”Свобода” она была прочитана по радио, редакция получила множество писем. Читателям хотелось дополнить анализ известного психолога. Так, например, доктор Полонский, пытаясь найти объяснение низкому ”уровню вживаемости” эмигрантов в Германии, пишет автору статьи: ”Я предполагаю, что неизвестная мне мера толерантности в немецком обществе значительно ниже, чем в США или в Израиле. . .

Много ли Вы встречали на работе в госу-

дарственных учреждениях выходцев из эмигрантских семей? ... Да в Баварии на государственную службу не то что эмигранта - немца из Берлина, Бонна или Гамбурга не примут". Кстати сказать, многие читатели полагают, что в пассивности эмигрантов из бывшего Советского Союза повинна немецкая ксенофобия. Их противники утверждают обратное: "мы де, мол, виноваты сами, не умеем найти своё место в обществе, не хотим учиться жить по-немецки."

Я не случайно вспомнил Кафку в самом начале этого обзора. Герой романа "Замок" - новоприбывший, чужестранец - сталкивается с проблемой, которую мы сегодня назвали бы проблемой интеграции. Власти дают ему следующие рекомендации: "Только работая в Деревне ... сможет он хоть чего-то добиться в Замке, да и те жители Деревни, которые пока ещё так недоверчиво к нему относились, заговорят с ним иначе, когда он станет если не их другом, то хотя бы их одноклассником, и когда он перестанет отличаться ... - а такая перемена должна наступить как можно скорее ... тогда перед ним откроются все пути ..."

Нелёгкий, требующий компромиссов с самим собой путь К., героя "Замка", избрали многие. Однако большинство эмигрантов решительно отвергли его с самого начала. Они живут по-другому. Доктор Фрейнкман верно отметила в своей работе, что многие эмигранты не связывают своё будущее с Германией.

Если верить утверждениям Владимира Набокова, прирождённого нонконформиста, за 15 лет, проведённых в Берлине, он так и не выучил немецкого языка. В конце концов писатель покинул Германию. Справедливости ради напомним, что речь идёт о Германии нацистской. Впрочем, не только о ней. Он так вспоминает о более чем 20 годах, проведённых в Западной Европе: "Оглядываясь на эти годы вольного зарубежья, я вижу себя и тысячи других русских людей ведущими несколько странную, но не лишённую приятности жизнь ... среди не играющих ровно никакой роли призрачных иностранцев, в чьих городах нам, изгнанникам доводилось физически существовать. Туземцы эти были как призрачные, плоские фигуры из целлофана, и хотя мы пользовались их постройками, изобретениями, огородами, виноградниками, местами увеселений и т. д., между ними и нами не было и подобия тех человеческих отношений, которые у большинства эмигрантов были между собой. Но увы, призрачные нации, сквозь которые мы и русские музы беспечно скользили, вдруг отвратительно содрогались и отвердевали: студень превращался в бетон и ясно показывал нам, кто собственно бесплотный пленник и кто жирный хан ... Бледно-зелёный нансенский паспорт был хуже волчьего билета ... Не все русские эмигранты, конечно, кротко соглашались быть изгоями и привидениями. Некоторым из нас сладко вспоминать, как мы осаживали или обманывали всяких вышших чиновников, гнусных крыс, в разных министерствах, префектурах, полициипрезидиумах".

Две жизненные позиции, две "стратегии выживания" отражены в цитатах Кафки и

Набокова, конечно же, в их экстремальных формах. Для героя Кафки "кажущаяся пустота", в которую он смотрит, становится обитаемой, для Набокова и его лирического героя она так пустотой и осталась. Где-то между конформизмом и нонконформизмом, да простит мне читатель эту вынужденную банальность, вероятно и лежит та самая золотая середина, о которой вечно твердят, но которую ещё никто не видел. Как бы то ни было, в связи с этим уместно вспомнить о неотъемлемом праве каждого самому выбирать дорогу: вслед за протагонистом Кафки или за героем Набокова (который в сущности идентичен автору).

Русскоязычная эмиграция в Германии, в особенности "четвёртой волны" находится ещё в ювенильном возрасте. Она не окончательно оформилась, но стереотип по отношению к ней в немецком обществе уже начал складываться.

Вот, например, некая Франциска Беккер, по сообщению потсдамской русскоязычной газеты "Алеф-бэт", изучает "ментальность современных евреев", приехавших из стран СНГ, социологи "обследуют" "русских немцев", всюду "работают" над нами всевозможные институты, журнал "Шпигель" опубликовал весьма двусмысленную статью о наших эмигрантах, ненавязчиво навещающую немецкого читателя на мысль, что русский эмигрант чаще всего - жулик и дармоед, а в лучшем случае - бездельник - графоман. Нас заметили. "Призрачные нации" всё внимательнее и пристальнее приглядываются к нам.

Что же нас ожидает? Какие можно сделать прогнозы? Для ответа на эти вопросы целесообразно, по всей видимости, познакомиться с опытом тех стран, где русскоязычная эмиграция, в том числе "волны" 90-х годов, уже вполне сформировалась.

Совсем недавно я вернулся из поездки в Нью-Йорк, где ознакомился с проблемами эмигрантов из бывшего Советского Союза в "русской" части Бруклина, которые во многом напоминают немецкие. В некотором

смысле, эмиграция - вещь экстерриториальная. "Там" вместо немцев - американцы, вместо социала - велфер. Сегодня ситуация эмигрантов из СНГ в США резко осложнилась. Виною тому - изменение американской иммиграционной политики. В связи с этим в прессе разгорелась бурная полемика, несколько напоминающая здешнюю, пока ещё "подпольную". Старейшая в Америке русскоязычная газета "Новое Русское Слово" предоставила свои страницы противоборствующим сторонам. Нам думается, что статья Иосифа Богуславского, которую мы публикуем с сокращениями, может оказаться во-первых интересной - автор сообщает множество исторических фактов, а во-вторых - полезной и в нашей с вами "Деревне". Статья называется: "Обоснованный страх преследования".

Богуславский пишет:

... Сегодня, к великому огорчению, в США, этом историческом "плавильном котле" наций и народов (качество и прочность самого многонационального сплава оставим за рамками статьи), сложилась острейшая антииммиграционная ситуация, свидетелями и участниками которой мы являемся. Как это нередко случается в экономически непростое время, громоотводом для "патриотических" настроений становятся иммигранты, в частности сравнительно немногочисленная группа евреев из бывшего СССР, приехавших в последние годы, дабы "повиснуть на шее налогоплательщиков".

Полемика, идущая на страницах "Нового русского слова", зеркально отражает сложившееся соотношение и разнообразие взглядов и темпераментов. Лично менястораживают мнения "коренных" американцев - от сочинённого Ю. Берданом аборигена, якобы тычущего раздражённым перстом в сторону нищего иммигранта ("получай подавание и не возникай"), до писем филадельфийских евреев-обывателей, возмущённых "русским" еврейством, которое прибы-

лю в Америку в норковых шубах и с бриллиантами.

Сразу хочу внести ясность. Во-первых, среди больших масс людей, особенно в периоды крутых исторических ломов, всегда на поверхность выносятся "пена". Есть она и в среде еврейской иммиграции: ловкачи, обманщики, проходимцы, преступники. . . . Мы с вами и "там" не подавали руки подобным господам, и "здесь" не считали их своими единомышленниками.

Во-вторых, незачем ломиться в открытую дверь: трудоспособный иммигрант обязан сделать всё возможное, чтобы начать работать, иначе он поступает безнравственно и противозаконно. Мой очерк - в защиту пожилых евреев-иммигрантов, тех, кому 55 - 65 лет и больше, тех, которые получают государственные пособия по возрасту или состоянию здоровья и которых ранят словесные упражнения прессы и пугают нарастающие бюджетные угрозы с Капитолийского холма. Униженность и растерянность - плохие помощники.

Так вот - нет, и ещё раз нет! Мы находимся в этой стране не из милости и не милостью получаем ежемесячно в банке. За нашей спиной - действующий Закон и уроки Истории, которые, будем надеяться, извлечёт для себя нынешнее поколение американцев.

Заголовок данного очерка - цитата из давних документов ООН (Конвенции 1951 года и Протокола 1967 года), определивших правовое содержание понятия "беженец". Таковым, по этим документам, признаётся лицо, испытывающее в стране своего гражданства "достаточно обоснованный страх преследования по причинам расы, религии, национальности, принадлежности к определённой социальной группе либо из-за политических убеждений". Эта формулировка (с небольшими уточнениями) вошла в национальный Закон о Беженцах США лишь в 1980 году. Но и до принятия последнего (в 70-е годы), когда действовал ратифицированный США протокол ООН, и в 80-е годы евреи из СССР в подавляющем

большинстве случаев получали статус беженца . . . Другое дело, что сотрудники Службы иммиграции и натурализации (СИИ), толкуя закон, как правило ограничительно, считали, что одного "обоснованного страха преследования" недостаточно, и требовали, чтобы советские евреи приводили факты насилия лично над ними.

Дело дошло до того, что к осени 1989 года на нелёгком перегонном этапе Вена - Рим скопилось до 20 тысяч растерянных людей, ждущих решения своей участи в Вашингтоне, где в это самое время высокопоставленный правительственный чиновник, координатор по делам беженцев Джуэл Лафонтен успокаивала членов Конгресса: мол, ничего страшного не происходит, "римские отказники" вполне могут вернуться в Россию, где наступила пора "гласности". И вот в этой обстановке произошло поистине историческое событие: по инициативе двух законодателей - сенатора Лаутенберга и конгрессмена Моррисона была принята Поправка к Закону о беженцах. Впервые в американской истории в иммиграционный закон наряду с евангелическими христианами и украинскими религиозными активистами были включены советские евреи как национальная группа, в отношении которой при предоставлении статуса беженца в первую очередь принимается во внимание опасность возможного преследования. Поправка 2 ноября 1989 года была подписана президентом Бушем, соответственно увеличена президентская квота для евреев-беженцев, и как по волшебству, изменилось суровое лицо Службы иммиграции . . .

Отныне на встречу с сотрудниками СИИ еврей не обязательно должен был нести горсть антисемитских зуботычин, "заработанных" им лично. Ему достаточно было напомнить о шовинистической атмосфере "вокруг" в географической среде места жительства.

Срок действия Поправки был пролонгирован Сенатом до конца 1996 финансового года большинством голосов (85 : 15).

Мне кажется, что нам не следует в публичных спорах прибегать к аргументам вроде: "Мы привезли с собой наших детей. Они исправно платят налоги и, таким образом, содержат нас". Положим руку на сердце - неправда это. Не мы привезли сюда своих детей, а наоборот, они - нас. Что же касается налогообложения, то оно не персонафицировано, и поэтому утверждения, что в пособии заложены налоги с доходов сына, а не, допустим, соседа мистера Смита, безосновательны. Пособие SSI и другие виды государственной финансовой поддержки законодательно вытекают из нашего статуса беженцев и ни из чего более. Таково наше печальное право на этой земле, независимо от того, нравится это кому-то или нет.

По моим наблюдениям, подтверждаемым отделением Jewish Family Service, количество пожилых и старых людей составляет треть от общего потока еврейской иммиграции последних лет. Главная причина в том, что "русские" евреи, как правило, традиционно поддерживают "культ большой семьи". Поэтому приводимые нередко данные о том, что "русская" иммиграция занимает лидирующее место среди других этнических групп по числу иждивенцев, требует более корректного анализа...

Сегодня, когда нынешняя Палата представителей уже утвердила безжалостный законопроект (билль номер РК 4) о лишении всех легальных иммигрантов, в том числе и беженцев, пособий в случае несдачи ими в положенные сроки тестов (языковых) на гражданство (кто подсчитал, сколько пожилых и стариков это поставит в безвыходное положение?), стоит вспомнить сражение, разыгравшееся в начале века между исполнительной и законодательной властью в связи с "безобидной", на первый взгляд, проблемой языка эмигрантов. В 1894 году группа националистов из Бостона создаёт Лигу ограничения иммиграции для оказания давления на политику Вашингтона. Спустя два года Конгресс утверждает предло-

женный Лигой законопроект об ограничении потока "нежелательных" восточноевропейских иммигрантов. Разрешалось допускать только тех, кто пройдёт тест "на грамотность", то есть на "знание английского языка, или языка страны исхода, или какого-либо иного языка". Сенатор Генри Лодж... настоял на изъятии последних слов: "или какого-либо иного языка". Это была откровенная дискриминация именно российских евреев, живших в черте оседлости и в большинстве своём знавших только идиш. Лишь многочисленные публичные протесты заставили членов Конгресса восстановить первоначальный текст законопроекта, так и не ставшего законом по причине вето президента Г. Кливленда, разъяснившего, что введение подобного "ценза грамотности" означало бы недостойный отказ от исторической роли США как прибежища преследуемых...

Росту антииммиграционных и, как следствие, антиеврейских настроений в начале нашего века в США не могла не способствовать активизация в печати хлестких перьев. Известный антрополог Мэдисон Грант в разошедшейся огромным тиражом книге "Тибель великой расы" (1916) заявлял: "Новая иммиграция представляет собой наиболее слабые, сломленные, умственно искаленные национальные группы из самых низких слоёв населения средиземноморского бассейна и Балкан, а также орды жалких парий из популяций российских еврейских гетто. Наши тюрьмы, психиатрические больницы и богадельни переполнены этими человеческими отбросами, а общая атмосфера американской жизни унижена и вульгаризирована ими"...

Нет ничего удивительного в том, что в столь удушливом социальном климате вскоре "проросла" идея ограничения иммиграционных квот. Её решительным противником оставался только Вудро Вильсон, в последние дни своего президентства наложивший вето на законопроект, названный "Quota Act 1921 года". Следующий прези-

дент, У. Гардинг, без промедления подписал его. Согласно этому закону, число иммигрантов, допускавшихся в США ежегодно, не должно было во всех случаях превышать 3 процента численности каждой этнической группы согласно американской переписи населения 1910 года, когда выходцы из северо-западных регионов Европы намного опережали юго-восточных европейцев... А в 1935-м году Франклин Рузвельт подписал знаменитый "Акт о нейтралитете", от которого прослеживается прямая связь с позорным безразличием США к проблеме спасения европейского еврейства от уничтожения нацистами. Факт принудительного возвращения в 1939 году в Европу корабля "Сент-Луис" с почти тысячей евреев-беженцев из Германии на борту хорошо известен. Но на совести администрации Рузвельта гораздо больший грех: недоиспользованными оказались даже уменьшенные квоты, предназначенные по закону 1921 года для иммигрантов из Германии, а также из тех стран, которые она позднее оккупировала, и из стран - союзников Гитлера.

Подсчитано, что с 1933 по 1943 год общее число американских иммиграционных квот составило более 1 млн. 240 тысяч человек. Когда подумаешь, что настолько могло быть уменьшено количество жертв европейского Холокоста, сжимается сердце. Вот как отзывается на практике манипулирование иммиграционными квотами в угоду "общественному мнению"!

Сегодня Капитолий и Белый дом объединили усилия в намерении беспрецедентно уменьшить число легальных иммигрантов вообще на одну треть, а кровно затрагивающую нас беженскую квоту для евреев стран СНГ - втрое. Неужели это решение великой державы в наше тревожное время можно считать исторически оправданным?

Статья Богуславского, которую вы только что прочитали, сообщает множество фактов из истории эмиграции. Её эффект был подобен разрыву бомбы. Это и не

удивительно, ведь автор затронул тот самый морально-этический фундамент, на котором обустроена жизнь русской иммиграции в США. Впрочем, каким бы прочным ни был фундамент, он не спасёт, если здание построено на зыбучем песке. Нонконформистская позиция Богуславского вызвала бурю протестов его же соотечественников. Так, например, Александр Сverdлов прислал в редакцию НРС письмо следующего содержания:

Кредо Вашей статьи в защиту права на вельфэр можно выразить очень коротко: "Нам полагается и не нужно этого стесняться". Я позволю себе не только не согласиться с этим, но и выразить крайнюю неприязнь к такой точке зрения... Заканы вельфэра были приняты в середине 30-х годов для защиты от нищеты и голода тех групп населения, которые жестоко пострадали от Великой депрессии. При чём здесь вы, всю жизнь проработавшие на военную машину "империи зла", а теперь приехавшие в США и настаивающие на том, чтобы это государство вас содержало?... К сожалению, высокий процент получающих социальную помощь среди российской эмиграции только в небольшой степени можно объяснить наличием в семьях пожилых и больных людей... Вам знаком расхожий брайтонский анекдот: - Скажите, Сёма уже устроился? - Нет, он ещё работает... Ваша статья оказывает очень плохую услугу, помогая... оправдать праздность... неспособность... нежелание найти своё место в новой жизни.

Подобных отзывов в стиле "спасибо партии за наше счастливое детство" было множество. Наконец в полемику вступил журналист Евгений Манин. Вначале он приводит факты беспристрастной статистики, которые и нам могут оказаться небезынтересными.

Евгений Манин

Популяция иммигрантов возросла в США

на 40 процентов между 1980 и 1990 годами. По переписи в стране - 19,8 млн. иммигрантов, или 8 процентов населения США, (в 1994 году - 9,1процента). 22 процента всех иммигрантов (т. е. резидентов, рождённых за рубежом) - из Мексики. Дальше идут Филиппины, Канада, Куба, Германия, Англия, Италия, Корея, Вьетнам, Китай и Индия. При этом самый высокий доход среди иммигрантов - у индусов самый низкий - у лаосцев. Самый большой процент работающих на самих себя - у корейцев. В 1990-м средний доход коренных (т. е. рождённых в Штатах) американцев составлял 35 508 долларов. Самые высокие средние доходы среди иммигрантов превышают эту цифру: индусы - 52908, гонконгцы - 49618, филиппинцы - 47994. Так что, если говорить о самых выгодных для Америки иммигрантах, то это отнюдь не мы.

Если говорить только об иммигрантах, прибывших после 1990 года, то наибольшая группа их - 4,5 млн. - мексиканцы, на втором месте - "русские" - 243 тыс. . .

Новоприбывшие иммигранты (т. е. после 1990-го) значительно чаще прибегают к получению велфэра, чем коренные американцы; соответственно 5,7 проц. и 2,9 проц. Нынешние иммигранты имеют самый низкий среднегодовой доход в стране - 8373 доллара . . .

Теперь мы вооружены не обильными цитатами, не историческими экскурсами, а точными цифрами . . . средний американец, прочтя в прессе профессиональные отчёты о том, каким грузом на налогоплательщиков ложится непрерывная иммиграция (37 процентов - нищие, сидящие на велфере, да притом ещё не желающие овладеть английским языком и часто жульническим образом получающие пособие) - реагирует вполне логично, возмущаясь и заявляя, что он не желает этого больше терпеть. Мало того, его гнев неминуемо должен направиться на мексиканцев и "русских" - на две самые крупные группы нынешних (после 1990-го) иммигрантов . . .

Евреи, скорее всего, поддержат меры по ужесточению законов об иммиграции по одной простой причине: наблюдается мощный приток в Штаты мусульман и быстрый рост арабо-исламской общины на фоне такого же быстрого уменьшения еврейской общины; миллиарды исламских долларов из-за рубежа в сочетании с притоком мусульман в течение ближайших десяти лет создадут количественное превосходство избирателей-мусульман над избирателями-евреями . . . "простые" американские евреи рассматривают эмиграцию в Соединённые Штаты как явление, позорящее их: с "русскими" иммигрантами, считают они, появилась никогда ранее не слыханная русско-еврейская мафия . . .

В данном случае недовольны все и все стоят за ужесточение законов. Значит, вырисовывается вывод: мы должны рассчитывать только на самих себя . . . где гарантия, что в один прекрасный день Америка не скажет, что евреи ей надоели? Миллионы "неудачников", безработных, бездомных, недовольных пожилых американцев, негров. Если все эти потенциальные избиратели начнут бомбардировать своих сенаторов и конгрессменов требованиями: "Довольно помогать!" - можете не сомневаться, что ни один политик, включая президента, не пожертвует карьерой ради человека, прибывшего в США легально, но не способного работать, потому что он стар и болен. И если то, что Америка даёт ему пособие на жизнь согласно законам, существующим в этой демократической стране, вызывает недовольство избирателей - значит законы эти будут изменены . . .

Надеюсь, обзор полемики в "Новом Русском Слове" позволил читателю создать некоторое представление о сегодняшних проблемах наших эмигрантов в Америке. Во многом прослеживаются параллели с Германией, однако существует и множество принципиальных отличий. В чём-то тамошние эмигранты уже стали настоящими американцами: их споры и столкновения без

оглидки отражаются в русскоязычной прессе. Ну а что касается языковых тестов на получение гражданства - большинству беженцев в Германии они пока не "угрожают". Как, впрочем, и само гражданство. Как бы то ни было, внутренним рефреном американской дискуссии является всё то же притяжение-отталкивание двух полюсов, о которых мы говорили в начале этого обзора.

Уже в первые дни пребывания в Америке ещё "неоперившиеся" эмигранты с удивлением сталкиваются с проблемами вельфера, со зловещей фигурой налогоплательщика, того самого набоковского "жирного хана", на шее которого повис, кажется, весь "неполноценный" мир. Каким-то неизвестным науке алчным органом чувства нездоровой ответственности (Набоков подозревает гланды) налогоплательщик непрерывно ощущает поступательное течение и перераспределение налогов. Любая ошибка в этой сфере вызывает у несчастного острую физическую боль, подобную зубной. Но в то же время сладостно сознавать себя акционером и вкладчиком огромной фабрики под названием государство, на которой не должно и не может быть простоев. Страна возводит мосты и дороги - и здесь вложена кровная частичка труда налогоплательщика, дворник подметает улицу - налогоплательщик и к этому причастен, "птичка прыгает на ветке" - и за неё "уплочено" налогом на экологию.

В такой ситуации возникает вопрос о категориях "экономической морали", которой никого из нас не обучали в школе. А "экономическая мораль", в свою очередь, находится в неизбежной связи с массовой идеологией новой страны, с "Замками" "туземцев": "- В какую это Деревню я попал? Разве здесь есть Замок? - Разумеется, - медленно проговорил молодой человек, а некоторые окружающие поглядели на К. и покачали головами ... "

В интервью Игоря Ачильдиева, опубликованном в потсдамской газете "Алеф-Бэт", социолог Франциска Беккер сообщает о сходных проблемах, связанных с социальной помощью в Германии: "... еврей-беженцы из бывшего Союза получают определённый статус и живут на пособие ... Для жителя Германии это - самый низший статус, и в принципе на "социале" жить здоровому, работоспособному человеку стыдно ... Таким образом, беженец попадает в зависимость от пособия, от "подачки" властей. Но раньше на своей родине он привык к иному!" Вспомните полемическое восклицание Богуславского: "Мы находимся в этой стране не из милости и не милостыню получаем ежемесячно в банке!" Эти его слова относятся к Америке, не к Германии, однако здесь прослеживается весьма ясная перекличка: "За нашей спиной - действующий Закон и уроки Истории" и, как антитезис - ответ Манина: если законы вызывают "недовольство избирателей, значит эти законы будут изменены ... "

В заключение - несколько слов о судьбе протагониста "Замка", отчаянно борющегося за право остаться и пустить корни в Деревне. Роман Кафки неокончен, однако существует свидетельство Брода, друга автора, которому тот поведал, чем эта история должна была завершиться: "Мнимый землемер получит по крайней мере частичное удовлетворение. Он не прекращает борьбы, но, истощённый ею, умирает. Община собралась у его ложа, а из Замка спущено решение, гласящее, что, хотя и не существует юридического основания разрешить К. проживание в Деревне, с учётом определённых привходящих обстоятельств ему дозволяется тут поселиться и работать".

Juden rein!

Загадка возрождения общины Адаасс Исроел
Хенрик М. Бродер

Мы продолжаем публикацию главы из книги Хенрика М. Бродера "Erbarmen mit den Deutschen". В её второй части особенно интересным нам представляется переплетение истории общины Адаасс Исроел с одной интригой "при дворе" Эриха Хонекера. Накануне своего полного краха правительство ГДР предприняло несколько крупномасштабных акций по "искуплению вины перед еврейским народом" за преступления нацизма. Как и почему начался приём еврейских беженцев в ГДР - эта история, по всей видимости, не была темой повествования Бродера. Тем не менее, факты изложенные автором, невольно приводят к мысли: приём евреев в ГДР явился прямым следствием некоторых заблуждений Эриха Хонекера. По иронии судьбы и, заметим, не без помощи сотрудников "Штази", несчастным овладела та самая идея, которая в своё время довела до безумия Адольфа Гитлера - идея о всемирном еврейском единстве и господстве, изложенная ещё в так называемых "Протоколах сионских мудрецов", впервые опубликованных в России в журнале "Знамя" за 1903 год. Престарелый антифашист решил быть умнее Гитлера: "Евреи нас поддержат", - видимо так подумал он однажды . . .

перевод Игоря Полянского

Община Адаасс Исроел приняла активное участие в интеграции еврейских эмигрантов из бывшего Советского Союза. Собственно, эта деятельность и стала на некоторое время *Raison d'être* общины. Вместе с тем Марио Оффенберг, глава Адаасс, всеми способами пытался привлечь внимание общественности и завоевать её симпатии. Так, например, он организовал "Интернациональную конференцию раввинов и представителей еврейских общин", на которой обсуждались вопросы, связанные с положением евреев в Восточной Европе.

Восьмого июня 1990 года в здании Совета Министров ГДР Марио Оффенберг был принят премьер-министром Лотаром де Мезиером. Впрочем, можно было бы назвать эту встречу иначе: Оффенберг получил "термин" у своего адвоката (ред. ранее де Мезиер был адвокатом Адаасс). Представитель правительственного пресс-центра освещал

эту встречу на одной из конференций в лучших традициях Германской Демократической Республики: "Доктор Оффенберг обратился с сердечным приветствием Совета Общины, а также от лица всех членов Адаасс Исроел к правительству де Мезиера. Он высоко оценил его деятельность на благо страны и выразил глубокую признательность за успешное проведение в жизнь и сочетание социальной перестройки общества и процесса воссоединения с интересами общества." В ответной речи премьер-министр "выразил благодарность за сердечное приветствие членов Адаасс" и пожелал общине "дальнейших успехов в работе по её воссозданию". На первый взгляд дело Адаасс продвигалось самым лучшим образом. Премьер-министра ГДР и руководителя Адаасс Исроел - адвоката и клиента - сближало многое. Оба благодаря историческому перелому сумели добиться высокого положения в обществе,

оба порвали со своим прошлым: член ЦДУ Мезиер и бывший академический анти-сионист Оффенберг, молниеносно мутировавший в правоверного еврея.

Двадцатьвосьмого апреля 1989 года община Адасс Исроел начала судебный процесс с Федеральной Землей Берлин. Оффенберг намеревался добиться признания общины Субъектом Общественного Права (*Körperschaft des Öffentlichen Rechts*) и в Западном Берлине (ред. признание орга-

низации С. О. П. даёт права на огромные льготы и финансирование со стороны государства) . В декабре 1990 года Адасс вновь подала в суд на Землю Берлин. На этот раз община потребовала миллионных сумм на своё содержание. Однако в конце марта 1991 года иски были неожиданно отозваны. Адвокат Адасс объяснил этот внезапный поворот следующим образом: "истец самостоятельно обсуждает свои требования в непосредственных переговорах с обвиняемым (ред. - Берлинский Сенат). На самом деле Адасс Исроел в тот момент никаких переговоров с Сенатом не вела, и Марио Оффенбергу пришлось дать новое разъяснение: "Обвинения попросту отпали", после объединения страны "восстановление общины в правах (ред. - автоматически) было проведено в жизнь. Договор о Воссоединении гарантирует признание ранее существовавших Субъектов Общественного Права и дальнейшее существование еврейских общин". Таким образом, "то, чего мы требовли - стало реальностью, потому и обвинения потеряли всякий смысл".

Добиваясь признания Адасс в Западном Берлине субъектом общественного права, Марио Оффенберг применял не только "конвенциональные средства". Так, например, 14 декабря 1990 года в правительственном издании "Amtsblatt für Berlin" появилось сообщение о том, что 26 ноября 1990 года состоялись "выборы Совета и генеральное собрание Израелитской Синагогальной Общины Берлина Адасс Исроел, Субъекта Общественного Права." Затем Оффенберг повсюду разослал копии этой газеты, дабы, основываясь на официальном сообщении правительственной прессы, доказать, что Адасс на самом деле является С. О. П. Один высокопоставленный чиновник Берлинского Сената так вспоминает эту историю: "у меня зашевелились уши от удивления, когда я это прочёл . . . Газета издаётся сенатором по внутренним делам. Я тут же позвонил в его секретариат и потребовал разъяснений. Мне ответили: "Мы не проверяем отдельных сообщений,

которые к нам поступают". Издатели попросту не заметили, что под рубрикой "Еврейская община" скрывалось нечто, не имеющее к ней никакого отношения. А Еврейская община Берлина, в отличие от Адасс, является Субъектом Общественного Права с начала семидесятых годов. Впрочем, этот трюк Оффенбергу не поможет." По словам всё того же чиновника Сената, запутанная история Адасс Исроел при ближайшем рассмотрении оказывается гораздо проще, чем кажется. Конечно же, уничтожение старой Адасс нацистами не было правомерным, "но Адасс Исроел Марио Оффенберга не является её правовой наследницей. Признания общины правительством ГДР не имеет под собой юридической основы в связи с Договором об Объединении. Это был оппортунистский, политический акт, а не формальное правовое решение." Адасс могла бы получить финансовую помощь на содержание школы и организацию культурных мероприятий наравне с другими религиозными организациями, но "обсуждать вопрос, является ли община идентичной Адасс 1882 года, и может ли она претендовать на её собственность, мы не будем. На это мы больше не пойдём." Таким образом спор о признании сегодняшней Адасс Исроел идентичной старой Адасс явился, прежде всего, вопросом собственности, а это не только кладбище, здание общины и больница, но гораздо больше: недвижимость в бывшем "Scheunenviertel" Берлина, принадлежавшая когда-то членам Адасс. С некоторых пор появились слухи о том, что Оффенберг запланировал там реконструкцию еврейской улицы с магазинами, ресторанами, отелем и т. д. Очевидно, гордость Оффенберга не позволила ему остановиться только на организации курсов изучения иврита и немецкого для еврейских эмигрантов. Видимо, именно это и является тайной причиной, питающей его риторику. Когда речь заходит о наследстве Адасс, поведение Оффенберга резко меняется; глядя на него, можно подумать, что гестапо уже стоит у дверей его общины.

Восьмого августа 1991 года Оффенберг разослал в редакции множества берлинских газет факсы под заголовком: "Открытое письмо в Берлинский Сенат". Уже первая фраза воззвания была тревогу: "Существование Израелитской Синагогальной Общины Адасс Исроел, Субъекта Общественного Права находится под угрозой. Община обращается к общественности, дабы предотвратить ошибочное решение политиков." В Берлине "за спиной у общественности готовится беспрецедентный по своей преступности акт - запланировано лишение еврейской общины прав и имущества", что означает "вторичную ликвидацию общины, которая однажды уже была запрещена и разорена нацистами . . ." Открытое письмо заканчивается следующей констатацией: "После Освенцима в Германии существуют действия, которые немецкому правительству стоило бы не раз обдумать и взвесить, прежде чем их совершить. Лишение Адасс прав и имущества - одно из них".

В действительности дело обстоит иначе. Никто, и тем более Берлинский Сенат не собирался ликвидировать еврейскую общину. Разногласия с властями касались только признания её во-первых - наследницей старой Адасс 1882 года, во-вторых - Субъектом Общественного Права. Так или иначе, Адасс могла продолжать свою деятельность и претендовать даже на государственные субсидии, как и всякая свободная религиозная община в Германии. Когда Марио Оффенберг говорит об Освенциме, нацистах и ликвидации, он пользуется своим старым проверенным методом. Клаус Гизи, бывший госсекретарь ГДР по вопросам церкви, вспоминает: "Он расставался с вами с видом оскорблённой дамы, намеревающейся тут же покончить с собой. Ровно через час звонил его отец: "Я просто не знаю что и думать . . .", спустя ещё полчаса звонила мать Оффенберга со словами: "Мой мальчик сам не свой! Он совершенно убит. На него страшно смотреть! Да и отец уже лежит с инфарктом. Я просто уже не

знаю, удастся ли мне снова поставить их на ноги!" Последовательность звонков всегда была неизменной."

Оффенберг, по словам Гизи, был известен ему как талантливый режиссёр документальных фильмов, стоявший на весьма критических позициях по отношению к политике Израиля. "С такой рекомендацией пришёл он ко мне и потребовал восстановления Адасс в правах и возвращения ей собственности. На каком основании он представлял интересы Адасс Исроел - оставалось неясным. На вопросы такого рода он реагировал с особой чувствительностью и отвечал, что вот, мол, после того, как нацисты всех уничтожили, пришли мы и продолжаем их политику. За подобными обвинениями он в карман не лезет . . . Тем не менее, я сказал себе однажды: хорошо, это внутренняя еврейская проблема. Я же, как представитель государства, уничтожившего 6 миллионов евреев, не могу и не имею права теперь сортировать: этим евреям мы должны, а этим нет."

Гизи вспоминает: "У Оффенберга была почти полная доверенность от группы израильтян, считавших его своим представителем. Позднее пришло письмо из иерусалимского раввината, в котором мне выразили благодарность за то, что я встал на защиту прав Адасс, и была выражена удовлетворённость тем, что члены Адасс снова имеют своё представительство в Берлине."

Заместитель Гизи, а позднее - сам госсекретарь по вопросам церкви Германн Кальб также сообщает интересные подробности, связанные с Адасс. Он вспоминает одну любопытную придворную интригу с Эрихом Хонекером в главной роли: "Хонекер сообщил нам, что он бы хотел улучшить отношения с еврейскими общинами ГДР и во всём мире. Он дал нам понять, что именно в этом вопросе следует проявлять особую щедрость. Посвящённые понимали, что стояло за этими рекомендациями. Хонекер мечтал о приглашении в Соединённые Штаты.

Поскольку от Белого дома этого ожидать не приходилось, оставалось надеяться на приглашение Всемирного Еврейского Конгресса. Получи он его - президент США вынужден был бы принять его и у себя в Белом доме. Мы были уже на пути к осуществлению этого плана. Велись переговоры об искуплении ГДР вины перед еврейским народом. Хонекер знал, что евреи имеют в США очень сильное лобби . . ."

Но вдруг, по словам Кальба, случилось неожиданное. Эдгар Бронфман, президент Всемирного Еврейского Конгресса прибыл с визитом в Восточный Берлин. После встречи с Оффенбергом он заявил представителям властей, что тот несерьёзен, а права его выяснены ещё не окончательно и дал немцам совет: "не впутываться в историю с Адасс, дабы руководство ГДР в один прекрасный день не оказалось в дурацком положении".

Получалось так, что поддержка Адасс не только не открывала Хонекеру дороги в Америку, а скорее наоборот - препятствовала осуществлению его замысла. Такой непредвиденный поворот дела заставил сотрудников секретариата по вопросам церкви призадуматься. По сообщению Кальба, они благоразумно предпочли "не сообщать Хонекеру о реальном положении дел", опасаясь, что Первый секретарь распорядится немедленно прекратить поддержку Оффенберга, что было бы уже слишком поздно: "к тому времени секретариат по вопросам церкви уже принял множество необратимых постановлений и дал такие обещания, от которых невозможно было бы теперь отказаться". Поэтому Хонекера оставили пребывать в иллюзии, что он скоро, даже очень скоро поедет в Америку". "Хонекер не очень-то разбирался во всех коллизиях, - рассказывает Кальб, - да он и не хотел разбираться. Евреи для него были все одинаковы, на одно лицо, а уж что мы, сотрудники секретариата, всегда сумеем повернуть дело в его пользу - в этом он не сомневался".

Так же как и на Гизи, Марио Оффенберг

произвёл на Германна Кальба поначалу весьма приятное впечатление: "Я увидел в нём точного в аргументации человека, который искренне заботится о евреях и общине. Он всегда отличался скромностью и опирался исключительно на требования и нужды бывших членов Адасс, разбросанных по всему миру. Конечно, он умел маскироваться. Когда его не принимали всерьёз или не выполняли без всяких "но" его требований, он горячился и тут же всплывал о фашизме . . . а если кто-то осмеливался противоречить Оффенбергу, то это означало, что он противоречит всему еврейскому народу".

И всё же бюрократы ГДР хотели верить Оффенбергу, верить даже в самый очевидный абсурд. "На каверзный вопрос "сколько членов в Вашей общине?" он вынужден был отвечать: "Ни одного". Формально даже он сам не являлся членом общины, поскольку был западногерманским гражданином. Впрочем, он весьма убедительно нам разъяснил, что по правилам Адасс, её бывшие члены, неважно в какой точке планеты они сегодня находятся, могут входить в её состав, что членство в Адасс Исроел никак не связано с местом жительства.

В конце концов мы согласились с его точкой зрения. Пусть члены общины разбросаны по всему миру, они существуют реально и имеют собственность в Берлине. Почему бы им не объединиться? Существуют же фирмы - "почтовые" ящики - и это вполне законно.

Итак, Оффенбергу удалось убедить власти ГДР в своей правоте и добиться исключительных привилегий: границу между Восточной и Западной зонами он пересекал как дипломат, не подвергаясь досмотру, его родители месяцами жили за государственный счёт в правительственном доме отдыха, письма и телексы Оффенберг направлял "лично Хонекеру", а в кабинет де Мезиера входил, так сказать, "без стука". "Оффенбергом можно было восхищаться", - так отзывался о нём однажды Клаус Гизи.

Скажем несколько слов и о Лотаре де Ме-

зиере. Он не совсем вписывается в коллизию этой пьесы. Вероятно, Лотар де Мезиер - просто хороший человек. Когда осенью 1986 года Оффенберг предложил де Мезиеру стать его адвокатом, тот подумал: "Ведь вот до чего мы дожили. Еврейская община не в состоянии найти еврейского адвоката! Очевидно, что всякий честный христианин в такой ситуации должен сказать себе: к этому делу необходим особый подход . . ." Де Мезиер не спросил Оффенберга, почему он обратился именно к нему, но, как он предполагает сегодня, оглядываясь назад, Оффенберг выбрал его как человека, критически оценивающего идеологию марксистского материализма и потому с пониманием относящегося к религиозным вопросам.

"Я исходил из того, - вспоминает де Мезиер, - что к 1933 году в Берлине существовали две процветающие и благополучные еврейские общины. Сегодня, поддерживая одну из них, мы также должны поступать и по отношению к другой.

Когда Лотар де Мезиер вошёл в состав правительства Модрова, заняв пост министра, сферой его деятельности стали и вопросы религии. На рабочем столе де Мезиера оказались те самые заявления и прошения, которые он, будучи в прошлом адвокатом Адасс, направлял прежнему госсекретарю. Критические замечания по поводу его двойственной роли в "деле Адасс" он парирует следующим образом: "У меня не было никаких причин отрёкаться от прежде мною написанного." Де Мезиер не сомневался также и в том, что Марио Оффенберг является законным представителем старой Адасс. Он был свидетелем того, "как люди, озабоченные судьбой кладбища общины, съезжались в Берлин со всего мира."

Последующие протесты всё тех же людей, бывших членов Адасс и их разногласия с Оффенбергом де Мезиер игнорирует: "Это была не моя задача - заниматься внутренними делами общины. Адвокат обязан заботиться о внешних отношениях своего клиента." Финансирование Адасс, по мнению де

Мезиера, также было вполне законным: "Предоставление субсидий Адасс ничем не отличалось от практики субсидирования других общин. В ГДР вообще не было принято проверять, на что пошли те или иные средства, выделенные государством."

О каких-либо особых привилегиях, которыми пользовалась бы община, де Мезиер ничего не знает. Впервые он слышит и о том факте, что родители Оффенберга жили за государственный счёт в правительственном доме отдыха: "Я не интересовался тем, кто и где ночует. Это и сегодня меня не слишком интересует."

Для Хайнца Галинского, бывшего (ред. поныне покойного) председателя Еврейской Общины Берлина после воссоединения Германии наступило беспокойное время. На протяжении более сорока лет он был единственным и непререкаемым репрезентантом берлинского еврейства. И вот, откуда ни возмись, является некий господин Оффенберг, называет его "последним сталинистом в Европе" и вообще пытается представить его этаким еврейским Чаушеску: "Когда господин Оффенберг меня, бывшего узника Освенцима, сравнил с политическим преступником и убийцей Чаушеску, чаша моего терпения переполнилась. Более я молчать не могу!" (Х. Галинский)

Галинский подал на Оффенберга в суд - единственная форма признания, до которой спизошёл бессменный председатель Еврейской Общины по отношению к руководителю Адасс Исроел. Берлинская пресса с особым азартом следила за дуэлью двух еврейских общин. Большинство журналистов приняло сторону "слабейшего", то есть Оффенберга, вызвавшего гнев "монополиста" Галинского. В ход, как обычно, пошли лозунги типа "гласность", "плюрализм" и "демократизация жизни общины". Таким образом Оффенбергу удалось "набрать очки" в споре, который едва ли привлёк бы внимание общественности, окажись на месте еврейских какие-нибудь две протестантские общины из Штеглица. Это и не-

удивительно: журналистам впервые представился удобный случай "насолить" влиятельному и авторитетному, но непопулярному Галинскому. Откуда ни возмись, на арене появилось неслыханное количество газетчиков, оказавшихся вдруг восхищёнными поклонниками ортодоксального еврейства. "Лично против господина Оффенберга я ничего не имею, - заявил Галинский, - но я опираюсь на множество писем, полученных мной от бывших членов Адасс, в которых они оспаривают право господина Оффенберга представлять старую Адасс и претендовать на её имущество."

В одном из писем, адресованных Галинскому доктором Эсриелем Хильдесхаймером из Иерусалима, правнуком одного из основателей Адасс Исроел Р. Э. Хильдесхаймера читаем: "Я никогда не выступал против идеи возрождения Адасс Исроел. Напротив, я бы желал, чтобы она существовала вновь и была такой, как её задумали мой прадед и его последователи, строго ортодоксальной... Против чего я выступаю - это против деятельности господина Марио Оффенберга и его сотрудников... Такую общину, какую создал господин Оффенберг, Р. Эсриель Хильдесхаймер никогда бы не одобрил"

Галинский получил множество писем от бывших членов Адасс из Израиля, Англии и Швейцарии. Среди них также около дюжины отзывов доверенностей, данных Оффенбергу в 1986 году. В одном из них сказано, например: "Доверенности были даны совершенно в иных условиях": Адасс Исроел сегодня не существует, и никакая организация не в праве присваивать себе её имя.

В июне 1990 года Шмуэль Ауэрбах написал тогдашнему премьер-министру ГДР Лотару де Мезиеру: "Реконструкция кладбища Адасс Исроел - большая заслуга семьи Оффенбергов... Поэтому мы в июне 1986 года основали "общество, представляющее интересы Адасс Исроел" и дали господину Ари Оффенбергу соответствующие

полномочия." Ауэрбах сообщает, что членам бывшей Адасс "уже тогда было очевидно: возрождение истинной Адасс Исроел сегодня невозможно. Сколько ортодоксальных еврейских семей осталось в Восточном Берлине? Есть ли такие, которых не удовлетворяет деятельность существующей еврейской общины? Члены бывшей Адасс не имеют сегодня никаких личных имущественных интересов, связанных с Адасс. Имущество общины может перейти во владение только тех институтов, которые в действительности отвечают духу Адасс Исроел и продолжают её дело." Де Мезиер так никогда и не ответил на это письмо.

Отзывы доверенностей не слишком беспокоили и Марию Оффенберга. "Süddeutsche Zeitung" опубликовала следующее его заявление: "Как берлинская община мы не пугаемся ни в каких доверенностях из Израиля." Заметим, однако, что прежде чем сказать это, Оффенберг потребовал у журналиста выключить диктофон. Позднее он заявил, что смысл высказывания передан правильно, но, тем не менее, цитата искажена.

На вопрос о том, сколько доверенностей было ему дано, Оффенберг отвечает, что их было около пятидесяти, и только пять человек отозвали их обратно, "о наших усилиях возродить общину было известно всем . . . Мы достигли полного единодушия в вопросах, касающихся целей и направления нашей работы." "В общине Адасс Исроел мы полностью следуем традициям наших предков", - продолжает он. Один из журналистов осмеливается спросить: "Не кажется ли Вам самому странным тот факт, что один из известных политиков левых убеждений является сегодня представителем ортодоксального еврейства?" Оффенберг молчит некоторое время, как бы не понимая вопроса. Затем отвечает: "Может быть, для Вас или для кого-то ещё - это проблема. Лично я ничего странного здесь не вижу."

Так правительство ГДР незадолго до сво-

его падения сделалю хотя бы одно доброе дело: вернуло заблудшую душу на путь истинной веры.

Schattenlinien

herausgegeben vom
Institut für Heuristik

- Wege des Findens -

- Strukturen des Wissens -

Bezug: SupportEdition,
Postfach 610378, 10926 Berlin,
Tel. 618 70 34

Свет мой, зеркальце, скажи, Да всю
правду доложи,
Кто на свете всех милее, Всех румяней и
белее?

А. Пушкин

ЗЕРКАЛО ЗАГАДОК

принимает заказы на рекламу

Ателье

по ремонту обуви

быстро, недорого, качественно

MommSENstr. 37

S-Bahn Charlottenburg, Bus 109

Телефон 324 59 85

Время работы: с 7.00 до 18.30

ПРОГУЛКИ ПО БЕРЛИНУ

Набоков о Берлине. Роман "Другие берега".

Миша Полянская.

С берлинской улицы
Вверху луна видна.
В берлинских улицах
Людская тень длинна.

Дома - как демоны
Между домами - мрак;
Шеренги демонов,
И между них - сквозняк
.....
Нечеловечий дух,
Нечеловечья речь -
И пёсы головы
Поверх сутулых плеч.

Владислав Ходасевич, 1923 год

Владимир Набоков сложился как писатель в Берлине, где прожил достаточно долго - 15 лет (1922 - 1937 гг.). Можно без преувеличения сказать то, о чем писатель никогда не говорил: этот город стал его творческой родиной, поскольку именно здесь он написал свои крупнейшие произведения, и здесь они были впервые опубликованы.

Он не испытывал чувства благодарности к Берлину точно так же, как и любимый им Николай Гоголь не испытывал благодарности к Петербургу, в котором за 8 лет (1828 - 1836 гг.) написал почти всё, чем прославил себя и русскую литературу. Однако в Италии (где в течение 12-и лет Гоголь писал одну единственную книгу - второй том "Мёртвых душ") он восклицал: "Италия - она моя, она моя вторая родина! А всё, что в Петербурге - это был сон." Петербургский сон наяву был в таком случае замечательным. (Колридж, например, из сна настоящего создал поэму "Кубла-хан". Да и Стивенсону приходили во сне сюжеты.)

Набоков, как будто, вторит Гоголю, называя Америку "новой родиной". А о Берлине он вспоминает, как о кошмарном сне. Себя в этом городе он называет "бесплотным

пленником", европейцев - "призрачными нациями", а своё "физическое существование" в нём уподобляет "беспечному скольжению".

Гоголь о Петербурге отзывался неизменно сурово. Так, например, в письме матери он писал: "Тишина в нём необыкновенная. Никакой дух не блестит в народе - всё служащие да должностные." Так же суров и Набоков по отношению к надменно-скушному Берлину. Вот, например, как он описывает в романе "Машенька" здание полиции: "Громадное, багровое здание центрального полицейского управления выходило сразу же на четыре улицы: оно было построено в грозном, но очень дурном готическом стиле, с тусклыми окнами, с очень интересным двором, через который нельзя было проходить и с бесстрастным полицейским у главного портала." А сравнивая берлинцев с "прозрачными, плоскими фигурами из целлофана", он, как и Гоголь, исключает всякий "блеск духа" в народе.

Загадка вот в чём: почему, порой, чиновники, бюрократические города пробуждают гениев, таких, как Гоголь, Достоевский, Кафка и Набоков, почему тоталитарные

режимы столь богаты талантами, такими, как Булгаков, Платонов, Маркес и Борхес? В сложный, и даже трагический берлинский период своей жизни, в столице, набирающего силу национал-социализма, Набоков писал много, разнообразно (пробовал себя во многих жанрах) и интенсивно. Вот далеко не полный перечень значительных произведений - романов и повестей - опубликованных писателем в Берлине под псевдонимом Сирин (был у Набокова ещё один "берлинский" псевдоним - Василий Шишков): "Машенька" (1926), "Король, дама, валет" (1928), "Защита Лужина" (1930), "Отчаянье" (1930), "Соглядатай" (1930), "Сатема obscura" (1932), "Приглашение на казнь" (1935), "Дар" (1937).

Сирин, одного из немногих эмигрантских писателей, перевели на немецкий язык почти сразу же после публикаций - это романы "Машенька", и "Король, дама, валет". Во многих его произведениях, написанных в Берлине, местом действия стал сам город. Однако для работы "Набоков о Берлине" мы выбрали роман, написанный далеко от Берлина, спустя 14 лет, после того, как он его покинул.

Автобиографический роман, написанный в Нью-Йорке на английском языке в 1951 году, а на русском - в 1954-м, писатель назвал "Другие берега". Мы полагаем, что другие берега для автора - это эмиграция, оказавшаяся пожизненной.

В таком случае мы наблюдаем в романе кажущуюся на первый взгляд несоразмерность эмигрантскому периоду в Германии Набоков "уделил" 2 главы и почти 11 -

покинутой России. Эту "несоразмерность" можно попытаться объяснить: Россия - его Дом, который он не смог променять ни на какой другой, и от этого Дома исходит особенное сияние: "берега" постоянно подсвечены, как сказал бы Мандельштам "иллюминатором" ("Разговор о Данте"). И потому берлинские впечатления именно в этом романе приобретают особый колорит. Берлин мы видим в романе дважды.

В первый раз - это город 10-х годов, когда две мировые войны ещё впереди, и он ещё не обезображен, не унижен этими войнами. Одиннадцатилетний Набоков находится здесь с родителями в роскошной гостинице "Адлон" в пору своего "совершеннейшего детства" - беззаботный, капризный, избалованный и даже уже влюблённый. (Гостиница Адлон, находившаяся у Бранденбургских ворот, была построена в 1907 году, за три года до приезда Набоковых в Берлин. В 1945 году она была разрушена, в настоящее время отстраивается заново. Смотрите фото.)

Неожиданно для нас (а в "берлинских" романах писателя редко появляется солнце, как правило отсутствуют краски, город мрачен почти, как Петербург Достоевского) возникает световая гамма, и нам кажется, что это - результат действия того самого "иллюминатора". Краски не перемешаны, даны в чистом виде, "с профессиональной резкостью": красный, синий, зелёный, белый, чёрный. На центральной улице города, Курфюрстендаме, играет духовой оркестр, спортивные инструкторы в "бранденбургах" одеты в красное, американка, в которую мальчик влюбился - в синем и, кроме того, она "в большой чёрной шляпе, насквозь пронзённой сверкающей булавкой, в белых лайковых перчатках и лакированных башмаках", гувернёр пьёт кофе за "бархатным барьером", певица в Винтергартене - вся "в переменных лучах зелёного и красного цвета прожекторов".

Подчёркиваем, что поездка в Берлин пришлась на тот период, когда Набоков пребы-

РУЛЬ

выходить немедленно в Берлин

Wochentag-Ausgabe Nr. 5

20 Pfennig
(100 Mark)

6.1.1924

RUL, russische demokratische Tageszeitung

Copyright von A. Naumov, Prof. A. Naumov, W. Naumov

Redaktion: 10, Berlin, Unter den Eichen 10. Druck: 10, Berlin, Unter den Eichen 10. Vertrieb: 10, Berlin, Unter den Eichen 10. Preis: 10, Berlin, Unter den Eichen 10. ...

№ 939-А
Вторник, 6 января 1924 г.
5-й г. изд.

вал ещё в "раю", когда не был ещё из него изгнан.

Счастливый отпрыск богатой семьи и в самом деле провёл своё детство, перефразируя его же самого, "в духовной и вещественной неге". Его прадед по материнской линии - "сибирский золотопромышленник и миллионер", а дед по отцовской линии Дмитрий Николаевич был министром юстиции. Отец - Владимир Дмитриевич - один из основателей конституционно-демократической партии, депутат Первой Государственной Думы.

Набоковы были владельцами роскошного особняка в Петербурге на Большой Морской (дом сохранился), а лето они проводили "во владениях дедовских", находившихся в 70-и верстах от столицы - Выре, Батово и Рождествено. Рождествено, которому Набоков посвятил лучшие страницы романа, было подарено ему вместе с миллионным состоянием дядей В. И. Рукавишниковым в день его пятнадцатилетия. Деревянный дом с коллиадой, лично юному Набокову принадлежавший, тоже сохранился. Повторяем: отсвет "дедовских парковых аллей", "рождественских каникул" падает на Берлин десятых годов, и в этом, как нам кажется, разгадка названия романа, его соразмерности и гармонии.

Затем, уже в конце романа мы видим Берлин двадцатых годов. Набокову 23 года, он только что похоронил отца (его застрелили в 1922 году), он беден, затерян среди горожан, которых называет

"туземцами". Писатель, вопреки обыкновению, скуп в воспоминаниях, немногословен. Он откровенно не любит Германию, Берлин и жителей этого города. Ниже мы даём небольшой подбор цитат из романа "Другие Берега" - "цитатник", если хотите, с соблюдением, по возможности, хронологии событий берлинского периода, изредка прерываемых комментарием, для пояснения некоторых фактов биографии Набокова.

В десятых годах люди с достатком отправлялись в из Петербурга в Европу "величественным" поездом Норт-Экспресс. Русская железная дорога всегда отличалась от европейской шириной колеи, только в начале века при пересечении границы колёса не меняли, как это делают сейчас - господа пересаживались в другой поезд. Вот как это происходило:

"Тогдашний величественный Норт-Экспресс (после Первой мировой войны он уже был не тот), состоявший исключительно из таких же международных вагонов, ходил только два раза в неделю и доставлял пассажиров из Петербурга в Париж; я сказал бы, прямо в Париж, если бы не нужно было - о, не пересаживаться, а быть переводимым - в совершенно такой же коричневый состав на русско-немецкой границе (Верхне-Болово-Эйдкунен), где бокастую русскую колею заменял узкий европейский путь, а берёзовые дрова - уголь."

Позднее, в "берлинском" романе "Машенька" Набоков много внимания уделит городской железной дороге, которая проходила у самого пансиона, где жили русские эмигранты: "... добрую часть ночи слышны были поезда городской железной дороги, и оттого казалось, что весь дом едет куда-то". Но если герой "Машеньки" на первых порах остаётся в Берлине, а поезд проходит мимо, то в главах романа "Другие берега", посвящённых детству, этого беспокойного эмигрантского рефрена движущегося поезда мы не находим. Большой немецкий город становится для мальчика как бы аттракционом, очередным колесом обозрения или каруселью.

"Когда, на таких поездках, Норд-Экспрессу случалось замедлить ход, чтобы величаво влачиться через большой немецкий город, где он чуть не задевал фронтонов домов, я испытывал ... наслаждение ... Я видел, как целый город, со своими игрушечными трамваями, зелёными липами на круглых земляных подставках и кирпичными стенами луплящимися старыми рекламными мебельщиками и перевозчиками, wpłyвает к нам в купе, поднимается в простеночных зеркалах и до краёв наполняет коридорные окна."

Той осенью 1910 -го года семья Набоковых отправилась в Берлин с определённой целью -выправлять зубы Владимиру и его брату к знаменитому американскому дантисту.

"... и как ужасен бывал у тогдашних дантистов пасмурный вид в окне перед взвинченным стулом ... Оставшиеся зубы этот жестокий американец перекрутил тесёмками перед тем, как обезобразить нас платиновыми проволоками. Разумеется мы считали, что нам полагается много развлечений за эти адские утра Ин ден Цельтен ахтцен А, - вот вспомнил даже адрес и бесшумный ход наёмного электрического автомобиля."

Клиника знаменитого дантиста была расположена недалеко от того места где сейчас находится Дом Международной Культуры.

На "Ин ден Цельтен" нет на сегодняшний день ни одного здания: городская улица превратилась в парковую аллею.

Далее Набоков вспоминает о том, как они с братом в течение трёх месяцев развлекались в Берлине:

"Сначала мы много играли в теннис, а когда наступили холода, стали почти ежедневно посещать скетинг-ринг на Курфюрстендаме. Военный оркестр (Германия в те годы была страной музыки) не мог заглушить механической воркотни неумолкаемых роликов ... Было человек десять инструкторов в красной форме с бранденбургами, большинство из них говорило по-английски. Самый ловкий из них, мрачный молодой бандит из Чикаго, научил меня танцевать на роликах. Мой брат, мирный и неловкий, в очках тихо ковылял в сторонке, никому не мешая, а гувернёр пил кофе и ел торт мокко в кафе за бархатным барьером."

Гувернёра Набоков в романе условно назвал Ленским. Этот лютеранин, еврейского происхождения, чувствовал себя в доме Набоковых, по его же собственному выражению, "в нравственной безопасности". Ленский жаловался матери Набокова на то, что дети растут иностранцами и снобами, равнодушны к Григоровичу, Мамину-Сибиряку и Гончарову. В Берлине он добился от родителей Набокова разрешения показать мальчикам, что представляет из себя на самом деле "демократическая" жизнь и перевёл их из Адлона "в мрачный буржуазный пансион Модерн на унылой Приватштрассе (приток Потсдамской улицы), а изящные, устланные бобриком, лаково-зеркальные, полные воспоминаний детства, страстно любимые мной Норд - Экспресс и Ориент - Экспресс были заменены гнусно-грязными полами и сигарной вонью укачивавших и громких шинельщугов ..."

Набоков не случайно дал своему учителю фамилию Ленский - тот был склонен к романтическим порывам: "в этом педанте жил мечтатель." Так, однажды в Берлине

этот "старомодный идеалист", не имеющий ничего, кроме жалования, "заметив на Фридрихштрассе какую-то потаскуху, пожирающую глазами шляпу с пунцовым плерезом в окне модного магазина . . . эту шляпу ей купил - и долго не мог отделаться от потрясённой немки".

"Наш гувернёр, тот "Ленский" . . . высокопоставленный и несколько наивный человек, был впервые за границей. Ему не всегда было легко согласовать свой страстный интерес к туристическим приманкам с педагогическим долгом, и в общем нам с братом часто удавалось заводить его в места, куда родители нас может быть и не пустили. Так, например, он легко поддавался приманчивости Винтергартена, и вот однажды мы очутились с ним сидящими в одной из передних лож под искусственным звёздным небом этого знаменитого учреждения и через соломинки потягивающими из-под взбитых сливок гладкий и необыкновенно вкусный "айсшоколад".

В этом кабаре одиннадцатилетний Набоков увидел среди танцующих девушек ту самую юную американку, в которую влюбился на Курфюрстердаме.

"Я узнал моих американских красавиц в гирлянде горластых "тёрлз", которые рука об руку, сплошным пышным фронтом переливались справа налево и потом обратно, ритмически вскидывая то десяток левых, то десяток правых одинаковых розовых ног. Я нашёл лицо моей волоокой Луизы и понял, что всё конечно, даже если и отличалась она какой-то грацией, каким-то отпечатком наносной неги от своих вульгарных товаров."

В Берлине Набоковы узнали о смерти Льва Толстого. Случайно листая какую-то немецкую газету, отец увидел трагическое известие и ошеломлённо сообщил об этом матери. "Да что ты", - удручённо и тихо воскликнула она, соединив руки, а затем прибавила: "Пора домой". - точно смерть

Толстого была предвестником каких-то апокалиптических бед".

До ноября "пулемётного" года (в котором повидимому кончилась навсегда Россия, как в своё время кончились Афины и Рим) . . . "оставалось ещё семь лет.

После октябрьского переворота Набоковы, как и многие будущие эмигранты, оказались в Крыму, где отец в 1919 году был министром юстиции Крымского Краевого правительства. Семья Набоковых покинула Крым, когда большевики были уже в опасной близости. Порт был захвачен когда они отплывали на греческом пароходе "Надежда". Слышны были выстрелы, и эти звуки стали для Набокова последними звуками России.

Три года Набоков учился в знаменитом Кэмбриджском университете. Родители с младшими детьми переехали из Лондона в Берлин в 1920 году, где к этому времени поселился и обосновался их близкий друг и соратник отца по партии "Кадетов" Иосиф Владимирович Гессен. В Берлине он основал газету "Руль", и отец Набокова тут же включился в работу как соредактор Гессена.

28-го марта 1922 года во время кадетского собрания его застрелили два монархиста. Набоков сообщает об этом кратко, как это часто бывает когда описываешь собственную трагедию: " . . . в 1922 году, когда в берлинском лекционном зале мой отец заслонил Милкова от пули двух тёмных негодяев, и, пока боксовым ударом сбивал с ног одного из них, был другим смертельно ранен в спину."

Началась суровая эмигрантская жизнь, полная лишений. Вполне естественно было бы предположить, что юноша был потрясён своим внезапным превращением в нищего. Однако в "Других берегах" - автобиографическом романе! - он в этом читателю не признаётся. Более того, он утверждает, что имущественных претензий к большевикам не имеет. Вот что он пишет: "Моё давнишнее расхождение с советской диктатурой никак не связано с имущественными

вопросами. Презираю россиянина-зубра, ненавидящего коммунистов потому, что они, мол, украли у него деньжата и десятины. Моя тоска по родине лишь своеобразная гипертрофия тоски по утраченному детству. И ещё: выговариваю себе право тосковать по экологической пише - в горах Америки моей вздыхать по северной России."

Как уже говорилось, Набоков негативно относился к Германии. "Германский" период он в "Других берегах" называет "антитезисом". "Позвольте мне заняться антитезисом", - говорит он. Меж тем, в семье Набоковых были немецкие корни. Бабушка его, мать отца, была немкой. В третьей главе романа писатель даёт интереснейшие сведения о некоторых своих немецких предках: "Бабка же моя, мать отца, рождённая баронесса Корф, была из древнего немецкого (вестфальского) рода и находила простую прелесть в том, что в честь предка-крестоносца был будто бы назван остров Корфу."

"Этот мой предок, Карл Генрих Граун (1701 - 1759), талантливый карьерист, автор известной оратории "Смерть Иисуса", считавшейся современными ему немцами непревзойдённой, и помощник Фридриха Великого в писании опер, изображён с другими приближёнными (среди них - Вольтер) слушающим королевскую флейту, на пресловутой картине Менцеля, которая преследовала меня, эмигранта, из одного берлинского пансиона в другой."

Набоков имеет ввиду картину Адольфа Менцеля "Концерт Фридриха Второго в Сан-Суси" (1852г.)

"Кузина моего прапращура, женатого на дочке Гауна, была та русская дама, которая, находясь в Париже в 1791 году, одолжила паспорт свой и дорожную карету . . . королевскому семейству для знаменитого бегства в Варенн (Мария-Антуанетта ехала как мадам де Корф, или как её камеристка, король - не то как гувернёр её двух детей не то как камердинер)."

Газета "Руль", в которой Набоков тотчас был принят Гессеном, выходила в издательстве "Ulsteinbuch", в этом же издательстве на немецком языке в виде жёлтой брошюры и была издана "Машенька" (1926), а до этого, в 1923 году Набоков перевёл на русский язык книгу Л. Кэролла "Алиса в стране чудес" под заглавием "Аня в стране чудес" и заработал таким образом 5 долларов. Как видим, заработки были невелики, и помощь Гессена, его теплота и внимание были очень кстати для юноши, так внезапно предоставленному самому себе.

"О "Руле" вспоминаю с большой благодарностью. Иосиф Владимирович Гессен был моим первым читателем. Задолго до того, как в его же издательстве стали выходить мои книги, он с отеческим попустительством мне давал питать "Руль" незрелыми стихами. Синева берлинских сумерек, шатёр углового каштана, лёгкое головокружение, бедность, влюблённость, мандариновый оттенок преждевременной световой рекламы и животная тоска по ещё свежей России, - всё это в ямбическом виде волюлось в редакторский кабинет, где И. В. близко подносил лист к лицу."

Последнюю, четырнадцатую главу романа писатель предваряет цитатой из 14-й оды "К Постуму" Квинта Горация Флакка: "О, как гаснут - по-степи, по-степи, удаляясь, годы!"

Затем он предлагает жене Вере Набоковой вместе вспомнить трудные годы проведённые в Берлине, где в кошмаре фашистского безумия, было у них и много хорошего. Они были молоды, любили друг друга, а главное - в Берлине родился их единственный сын.

"Годы гаснут, мой друг, и, когда удалятся совсем, никто не будет знать, что знаем ты да я. Наш сын растёт! розы Пестума, туманного Пестума отцвели . . . А потому пожалуй пора, мой друг, посмотреть древние снимочки, пещерные рисунки поездов и аэропланов, залежи игрушек в чулане.

Заглянем ещё дальше, а именно вернёмся к

майскому утру в 1934-ом году, в Берлине. Мы ожидали ребёнка. Я отвёз тебя в больницу около Байришер Плац и в пять часов утра шёл домой, в Грюневальд. Весенние цветы украшали крашенные фотографии Гинденбурга и Гитлера в витринах рамочных и цветочных магазинов."

"В годы младенчества нашего мальчика, в Германии громкого Гитлера и во Франции молчаливого Мажино, мы вечно нуждались в деньгах, но добрые друзья не забывали снабжать нашего сына всем самым лучшим, что можно было достать. . . . Обобщённый буржуа прежних дней, пater фамилиас прежнего формата, вряд ли бы понял отношение к ребёнку со стороны свободного, счастливого и нищего эмигранта."

"В два года, на рождение, он получил, серебрянной краской выкрашенную, алюминиевую модель гоночного "Мерседеса" в два аршина длины, которая подвигалась при помощи двух органичных педалей под ногами, и в этой сверкающей машине, чудным летом, полуголый, загорелый, золотоволосый, он мчался по тротуару Курфюрстендама, с насосными и гремющими звуками, работая ножками, виртуозно орудуя рулём, а я бежал сзади, и из всех открытых окон доносился хриплый рёв диктатора, бывшего себя в грудь, нечленораздельно ораторствующего в Неандертальской долине. . . ."

"Нашему мальчику было около трёх лет в тот день в Берлине, где конечно никто не мог избежать знакомства с вездесущим портретом фюрера, когда я с ним остановился около клумбы бледных анютиных глазок: на личике каждого цветка было тёмное пятно вроде кляксы усов, и по довольно глупому моему наущению, он с райским смехом узнал в них толпу беснующихся на ветру маленьких Гитлеров. Это было на Фербеллинерплац."

В Германии, охваченной фашистским безумием, жизнь становилась невозможной, и Набоковы с большим трудом уехали во Францию (1937 г.), а затем, в 1940 году в

США.

Спустя почти двадцать лет, в 1961 году Набоков вернулся в Европу, в Швейцарию, где в 1977 году умер и похоронен на кладбище возле небольшого курортного города Монтрё.

Как уже говорилось, деревянный "рождественский" дом сохранился. "Почтенный замок" стоит на возвышении над рекой Ордеж. "Часто думаю: вот съезжу туда с подложным паспортом под фамилией Никербокер".

Дитрих Никербокер - так звали героя романа Вашингтона Ирвинга "История Нью-Йорка". Этот Никербокер поселился в одной из гостиниц Нью-Йорка, в ней жил и умер, оставив хозяину вместо оплаты свой труд - "История Нью-Йорка".

Известно, что Набоков в эмиграции часто жил в гостиницах. Роман "Лолита" принёс ему известность и богатство. Богатство вёнулось, но не вернулось ощущение дома. Последним прибежищем писателя была гостиница.

Хочу за границу

Рассказ

Наталья Толстая

После университета Марину распределили в Институт языкознания. Натёртый паркет в коридоре, шкафы, набитые "Филологическими вестниками", и гробовая тишина. Научные сотрудники сидели по комнатам и писали, писали... или выписывали из книг на карточки. Здесь была не библиотечная тишина, а другое - тишина для старения и выхода через академический двор - на пенсию. Здесь работали те, кто любил каузативные конструкции и нулевой артикль, дуративные глаголы и пучки фонем. Говорили здесь особым научным языком, который Марине никак не давался. Нельзя было сказать: "Ой, я в статье страничку перепутала", - надо: "Допустила погрешности в пагинации".

Из института за границу ездил только директор, и только в Австрию. Возвратившись, вешал объявление: "Лекция с показом слайдов "Две недели в Австрии" (по личным впечатлениям)".

Полтора часа сотрудники смотрели на заснеженные хребты, хребет за хребтом...

- Вот это Нина Сергеевна из Москвы и я, в тёмных очках. Трудно узнать, да? Тут мы с членами общества "Австрия - СССР" ... Вот мы вручаем сувениры на молокозаводе ... Мы с Ниной Сергеевной дома у активиста общества ...

Всех побывавших за границей Марина делила на две категории.

Тип первый. Взгляд рассказчика туманится, ему никак не согнать с лица особую мечтательную улыбку, которая появляется после зарубежной поездки: вам, тут живущим, не расскажешь, не объяснишь. Какие там дороги! А сыр! А как меня принимали !!!

Тип второй. У рассказчика скучное лицо и тухлый взгляд.

- Паршивая страна. Город называется! Сто тысяч жителей. У нас в Дачном больше народу живёт. Я там есть не мог. Хлеба вообще не дают, вместо масла - маргарин. Ни разу чая заваренного не предложили. По телевизору вообще смотреть нечего.

Лицо рассказчика покрыто нездешним загаром. Пиджак, рубашка, носки - всё на нём куплено с толком, не спеша, в хорошем магазине. Ежу понятно, что он будет ездить туда, где всё плохо, до последнего дыхания.

Когда Марине предложили перейти в университет на преподавательскую работу, она согласилась сразу. И очень ей захотелось съездить за границу - в Данию, куда же ещё?

Желание поехать в Данию легко можно объяснить городу и миру: человек десять лет преподаёт датский язык и литературу. Так можно посмотреть, что за страна такая, а? Нет?

Мечта, дремавшая годами, проснулась, когда на кафедру из иностранного отдела пришло одно место на недельную ознакомительную поездку в Данию. Завкафедрой сказал: "Характеристику пишите себе сами. Вам ехать - вы и бегайте".

Характеристику (6 экземпляров под копиру) надо было сперва показать дяденьке из комнаты по оформлению заграникомандировок. Была такая комнатка в углу, за машбюро, а дяденька вежливый, с внимательным взглядом. От него пахло только что выпитым кофе.

- Придётся, Марина Николаевна, переписать характеристику. Вы ничего не сообщили о первом браке: фю первого мужа, год и место рождения, где работает ... Отдельной строкой напечатать: "Партком, профком и ректорат поставлены в известность о причинах развода доцента Петровой и согласны с причинами развода".

Марина растрогалась: сама не знала, зачем, дура, развелась, а в ректорате (сотня баб) - знают и согласны.

В иностранном отделе стояла очередь за бланками. Отдел работал - час утром, час вечером, среда неприёмный день. Две девицы, чёрненькая и беленькая, с утра утомлённые тем, что народ по десять раз переспрашивает одно и то же, говорили тихими, монотонными голосами, скрывая раздражение.

- Повторяю ещё раз. Эти четыре бланка заполняются от руки. На машинке нельзя! Теперь держите восемь розовых бланков, эти только на машинке! Указывайте девичью фамилию матери и жены.

- Тут места не хватит.

- Ну что вы как маленький, ей-богу! Можете писать сокращённо - дев. фам. Всех - всех родственни-

ков укажите ... Так, держите шесть голубеньких, здесь пишите национальность и партийность, а место работы не надо. Ну, и двадцать четыре фотографии, матовых, в овале, без уголка.

Повички недоумевали: зачем двадцать четыре? Одну - на паспорт, а двадцать три куда приклеят?

- Следующий!

Старая дама прошмыгнула без очереди.

- Я уже была. Я только спрошу! Будьте так добры ...

Из-за двери послышался виноватый голос:

- Простите, Танечка, опять вас беспокою. Если отец умер, его надо писать?

- Обязательно. И укажите, был ли он членом партии.

- Он умер тридцать лет назад!

- На момент смерти был он членом партии или нет? И где похоронен, напишите. Название кладбища, ряд, место. Ириша! Закрывай дверь. Сегодня больше не принимаем, и так зашиваемся.

Марина готовилась к поездке: стояла у читального зала и изучала портреты членов Политбюро, стараясь найти ассоциативные связи или внутреннюю мотивировку их фамилий. Потом стала примерять их на роль мужа или любовника, и дело пошло быстрее. Алиева и Суслова отвергла сразу. Поколебавшись, остановилась на Воротникове: неизвестный художник придал его глазам интеллигентную грусть. Лаборантка вернула Марину к действительности. Где вы пропадаете? Сейчас идеологическая комиссия заседает. Как какая? Факультетская!

Перед тем, как открыть дверь и переступить порог, Марина сделала специальное лицо: "Еду за рубеж не ради удовольствия, сохрани господь. Я и ехать не хотела - кафедра заставила: надо, Марина. Надо собрать материал для нового спецкурса".

Идеологическая комиссия состояла из двух немолодых дам с плохо покрашенными волосами. Одна - доцент по Анне Зегерс, другая - ассистент без степени, пишет на тему "Образ рабочего в болгарской прозе". От дам исходили благожелательные токи, напрасно Марина делала спешлицо.

- Какова область ваших научных интересов, Марина Николаевна?

- Видо-временная система скандинавских глаголов.

Дамы вежливо улыбнулись, тему, мол, одобряем.

- Как собираетесь использовать время в заграничной поездке?

Вот сказать бы им сейчас: колбаску вкусную куплю и съем. И запью баночным пивом. Удобные туфли куплю, а те, что на мне, костоломы, выброшу в пролив Скагеррак. А если деньги останутся, мыла душистого на подарки.

- Думаю поработать в библиотеках, походить по музеям.

Дама по Анне Зегерс кивнула:

- Желаем счастливого пути!

"Какие вы милые, идеологи, - думала Марина, идя домой, - не терзали, не гоняли по пленумам. Дай вам бог хорошей импортной краски для волос".

По четвергам заседало партбюро факультета. Перед дверью собралось человек пятнадцать, вызывали по фамилиям.

- Какие будут вопросы Марине Николаевне?

- Как вы готовитесь к поездке? Есть у вас план подготовки?

Это спросил старый хрен, фадеевца. Сорок лет изучает "Молодую гвардию", а диссертацию так и не защитил. Фадеевца всегда включали в приёмную комиссию, и он всегда задавал абитуриенту один и тот же вопрос: "Что самое главное в истории университета?" Простые души, обрадовавшись, что можно показать эрудицию, соловьями разливались про двенадцать коллегий, некоторые начинали с семнадцатого века, с мызы полковника Делагарди. Думали: оценит, отметит. А надо-то было всего ничего. Скажи: "Владимир Ильич сдавал здесь экзамены за юридический факультет", - и ушёл бы с пятёркой.

Марина слыхала, что в партбюро любят, чтобы газеты не просто читали, а "работали" с ними.

Секретарь партбюро (изучает частушки советского времени, но стажировался при этом в Англии) кашлянул в кулак.

- Полагаю, всё ясно. Вы свободны. Пригласите Птичку Анатолия Васильевича.

Прошедшие партбюро факультета допускались на центральную идеологическую комиссию университета. Тут, в предбаннике, был народ со всех факультетов. В таких очередях люди всегда дают

советы, делятся опытом. Многие были нервно возбуждены. Некоторые стояли с отрешёнными лицами, в разговор не вступали. Всё это напоминало очередь на аборт: всем сейчас будет плохо - и весёлым, и злёмным от страха. Никто тебя не спасёт. Назад дороги нет. Молись.

Марина примкнула к разговорчивым. От них и узнала: в комиссии шесть мужчин и одна баба. К бабе - ни в коем случае! Гоняет по африканским борцам за свободу. Причём требует по фамилиям: кто в тюрьме - отдельно, кто на воле - отдельно. Из мужчин трое комсомольцы, злые, как осы. Жалости не знают - карьеру делают. Надо постараться попасть к старикам, особенно советовали полковника с военной кафедры: любит женщин любого вида и возраста. Марине повезло: попала к пожилому историку, автору монографии "О правах человека - истинных и мнимых", любителю поговорить о себе. Марина узнала, что он служил в Корее, и что там были особые крысы - белые, а хвосты короткие. Крысы-диверсантки, прошедшие обучение в США, нападали на советских военнослужащих, понижали их боеспособность. Марина слушала историка с глубоким интересом, сама задавала ему вопросы, смеялась, когда ей казалось, что ему будет приятно.

Краем уха она слышала, как комсомолец с серым лицом говорил доценту-биологу: "Сожалею, но вам придётся прийти ещё раз. Сколько газа добыто за пятилетку, не знаете, задачи коммунистов Непала сформулировать не можете..."

Маришин экзаменатор вынул расчёску, провёл ею по редким волосам, дунул на нечистые зубья, вздохнул и поставил нужную подпись.

Партком университета заседал в мраморном Петровском зале. Бывалые учили новичков:

- Как вызовут в зал - проходи на середину, там стул стоит. Предложат сесть - садись. Будут читать твою характеристику - сиди. Как начнут задавать вопросы - встань. Тот, кто продолжает сидеть, не уважает партком.

- Может, вообще не садиться?

- Нет, если скажут сесть, то надо сесть обязательно.

Маринину характеристику читала дама-юрист, стерва высокого класса. О количестве печатных работ неразборчиво бубнила, а о разводе - громким, звонким голосом.

- Будут вопросы товарищу?

- Товарищ Петрова в Данию собралась, а в своей-то стране, что, уже и смотреть нечего?

Секретарь парткома неожиданно вступился:

- Марина Николаевна ещё молодая. Успеет и по своей стране поездить. Вот вы на неделю за границу уедете, а муж-то справится один?

Шутка, поняла Марина. Надо смутиться и потупиться, застесняться. Они это любят.

- Мужа одного оставлять нельзя. А то как бы чего... Следующий!

Райком КПСС был последним барьером, который предстояло взять. Из райкома бумаги попадут туда, где их будут изучать в тиши и вопросов не зададут. В райком рекомендовали идти, одевшись аккуратно, но некрасиво. Никакой косметики, никаких французских духов! Комиссия состояла из трёх женщин с партийными причёсками - белыми начёсанными "халами". Райкомовские женщины терпеть не могли молодых преподавательниц из вузов.

Марину вызвали одной из последних. впереди прошли две автобазы и завод "Вибратор". "Халы" устали и смотрели неприязненно.

- В ленинских субботниках участие принимаете?

- Конечно, каждый год участвую.

- На овощебазу ходите?

- Раз в месяц по графику.

Женщина с безразличным ртом, проткнув высокую причёску остро отточенным карандашом, осторожно почесала им голову:

- Университетские хуже всех на базе работают. Белоручек много. Капусту зачистить не умеют. Наверно, образование мешает. У нас есть сводки за прошлый месяц - десять человек из ЛГУ на проходной задержали: выносили чищенные лимоны.

Другая женщина перечитывала Маринину характеристику, шевеля губами.

- Первый-то муж женился или нет? Дети у него есть от новой жены?

Таких тёток Марина любила: с ними всегда можно было найти общий язык.

Бабское любопытство надо удовлетворять, рассказать о личной жизни подробно, с юмором, себя не

жалеть. Им ведь интересно послушать. После Мариных рассказов о том, кто с кем живёт, женщины потеплели, и стало ясно: райком пройден.

Осталось последнее, добыть справку о здоровье. Терапевт в луковом берете, мельком взглянув на Марину, начала строчить направления: к невропатологу, лору, гинекологу, рентгенологу . . . Анализы крови и мочи. Тридцать лет исполнилось? Значит ещё и кардиограммочку сделаем . . . Мочу и кровь надо было сдавать до восьми утра, а остальные врачи принимали, как назло, после шести вечера. Пока Марина ловила невропатолога, анализы успели устареть, и их пришлось сдавать по второму заходу. "Неси всем по коробке конфет", - советовали коллеги. "Как же я буду эту коробку всучивать? - мучилась Марина. - Прямо с порога или раздетая во время осмотра, или класть на историю болезни, пока врач моет руки за ширмой?"

Посидев в очереди перед кабинетами, Марина перечитала все стенные газеты. В каждой поликлинике есть пишущий врач, и Марина выучила наизусть стихи из "Санлистка" и "Голоса медиков ЛГУ".

Студентка! Помни о правиле важном:

Делай уборку способом влажным. Фтизиатр Б. Мокеев

Наркомана вид нам неприятен:

Хил, небрит, шприц в руке.

Мы советуем: приятель,

Капф лови на турнике!

Старшая сестра А. Никитёнок

УФО поможет детям

Не заболеть рахитом.

Зимой заиграет

Луч солнца на ланитах.

Лаборант Ф. Клычко

Наконец Марина держала в руках справку: "Дана в том, что Петрова М. Н. не имеет противопоказаний по здоровью для поездки на одну неделю в Данию". Поставить круглую печать на справку могла только зав. поликлиникой Тамара Ивановна. Печать она ставила в приёмные часы, раз в неделю, по понедельникам.

Профессор, с которым Марина подружилась в поликлинических очередях, искал валидол: "Ну и сволочи. Своими бы руками задушил. Ведь глумятся! Едешь во Францию - сдавай кровь из пальца, а если в Англию - уже из вены! А кто в США оформляется? Всю кровь выпьют".

В понедельник с семи утра образовалась очередь к Тамаре Ивановне, за печатью. В десять часов бодрая и свежая зав. поликлиникой объявила: "Товарищи! Придётся немножко подождать: срочное совещание зав. кабинетами. Не волнуйтесь! Всех приму!"

Четырнадцать женщин, зав. кабинетами, гуськом прошли в кабинет Тамары Ивановны. Из-за двери в коридор донеслось:

- Попрошу потише! Наборы сегодня такие: две банки тушёнки, правда, свиной, три пачки индийского чая, банка горошка и перец чёрный, молотый. Ну и в нагрузку четыре банки морской капусты.

- Хорошие наборы! Морскую капусту можно мелко-мелко нарезать и понемножку в винегрет добавлять.

- Тише, товарищи! Есть ещё тёплые югославские кальсоны, с начёсом. Размеры - только маленькие.

- А больших нет? А цвет какой?

- Это же кальсоны! Какая вам разница, какой цвет?

"Да-а-а, - думали изнывающие за дверью преподаватели, - ведь небось клятву Гиппократы давали, бесстыжие . . ."

За две недели до поездки Ирочка из иностранного отдела догнала Марину на Университетской набережной.

- Ой, хорошо, что вас встретила! Не пропустили вас. Сказали, что международная обстановка осложнилась. Пускают только партийных, с опытом пребывания за рубежом. Ничего, в следующий раз поедете!

Ирочка вскочила в подошедший троллейбус, только зажатая дверьми красная юбка торчала наружу.

В голове у Марины стало пусто и гулко. "Три месяца потратила на идиотские комиссии, десять

врачей обошла. . . Заискивала. Унижалась . . . Поделом".

Домой идти не хотелось. Хотелось просто посидеть на скамейке. Марина не заметила, как забрела в зоопарк, - ноги помнили, что скамейка там есть. В грязной клетке, на полу лежал какой-то безымянный зверь среднего размера - таблички на клетке не было. Он лежал в дальнем углу, не шевелясь, хвостом к публике, мордочкой к нечистой стене. Не желал глядеть на людей. Презирал. Или очень давно устал жить. Марина поняла, чего она хочет: лечь с ним рядом, спиной к детям, к мужу, и долго лежать так, не шевелясь.

Невыдуманная история. Соседка

Л. Железняк

В молочном магазине стояла длинная очередь. Был час пик. По дороге домой люди покупали продукты. Уставшие и голодные, мрачные, недовольные, они срывали своё раздражение друг на друге. Очередь двигалась медленно. В воздухе висела злоба.

- Какой всё это ужас, - почти про себя сказала я.

- Но мы ведь привыкли, - услышала я женский голос позади. Обернувшись, я увидела старую седую женщину с удивительно красивым лицом. Высокая, очень худая, она была одета крайне бедно, старомодно, смешно и в то же время достойно. Старая, выдавшая виды, чёрная шляпка, прикреплённая старинной заколкой, чёрное потёртое пальто, сношенные туфли и белые дырявые перчатки. Казалось, в этой одежде застала её революция, и с тех пор она не переодевалась.

Получив продукты, я минуту задержалась, и из магазина мы вышли вместе, продолжая разговор.

- Знаете, - сказала моя соседница, - когда Герберт Уэллс уехал из Москвы после той знаменательной встречи с Лениным, он написал: "История

ещё не знала случая, чтобы народ так деградировал за какие-то несколько лет, как это случилось с русскими".

Оказалось, что она живёт в доме рядом. Показав свой подъезд, я пригласила её заходить, но она не воспользовалась моим приглашением. Потом я ещё не раз встречала её. Она была вежлива, но не больше. Какое-то время мы не виделись. Встретились, спустя может, год. Я удивилась, как она состарилась. Еле шла, не сразу меня узнала. На этот раз я затащила её домой.

Она немного рассказала о себе. Дочь царского генерала, жена профессора, она попала в мясорубку жизни и теперь жила в маленькой комнате огромной коммунальной квартиры, где её третиrowал сосед. Когда не было других жильцов, он издевался над ней морально и физически, упрекая в барском происхождении. Елизавета Яковлевна, так звали мою знакомую, уходила в таких случаях из квартиры, бродя по улицам или отсиживаясь в холодные дни в соседней булочной. Рассказывала, что муж умер в сталинские времена, доведённый до отчаяния. В институте, где

он работал, начались аресты. Его вызывали, требовали показаний на сотрудников. Раздавались звонки по телефону с угрозами. Он скончался внезапно. Через несколько часов после смерти позвонили с очередным вызовом на допрос.

- Он к вам никогда не придёт, - ответила Елизавета Яковлевна.

- Почему? - раздался рёв в трубку.

- Потому что он умер. Сразу после смерти мужа её выселили из квартиры, предоставив комнату с соседями. Соседи оказались приличными людьми, и несколько лет жизнь была сносной. Потом дом передали учреждению, и начались её "хождения по мукам". Председатель исполкома, от которого зависела её судьба, ненавидел евреев и "бывших". Она, как представитель последних, попала к нему в немилость.

- У нас есть прекрасная комната в маленькой квартире, - говорил он, глядя куда-то в сторону, и после паузы добавлял: - Но мы вам её не дадим.

Так она оказалась там, где теперь жила. Она была больна. Всё время ходила в туалет, у неё, видимо, было что-то с мо-

чевым пузырём.

- Вам надо показаться врачу, - советовала я.

- Мне надо умереть, - отвечала она. У неё было искреннее безразличие к себе.

- Вы, вероятно, были очень красивы в молодости.

- Не помню. Отец встретил мать на балу. Не случись этой встречи, я бы не родилась. Зачем она поехала на этот бал? ...

- Но у вас же было чудное детство, хороший муж, много хорошего.

- Это было очень давно, - задумчиво отвечала она.

При таком безразличии к себе она не переставала резко реагировать на окружающее. Читала газеты, интересовалась политикой.

Однажды, сидя на скамейке в сквере, она услышала разговор двух молодых женщин. Одна возмущалась, что падает авторитет Сталина.

- Он же убивал невинных людей, - возразила её собеседница.

- Этого я не знаю - продолжала первая. - Зато известно, что он собирался выселить из Москвы евреев.

- Я не желаю сидеть с вами рядом, сказала Елизавета Яковлевна, встала и ушла.

У неё не было никого на свете, кроме племянника. Раз, два в месяц он приносил ей продукты.

- Сколько же вы собираетесь жить? - звонила по телефону его жена. - Вам же уже очень много лет.

Готовить ей было негде, она боялась выходить на кухню. Я подозревала, что она всегда голодна, хотя тщательно старается это скрыть. Как-то из Астрахани к нам приехала племянница, привезла свежего

судака.

- Такое я ела только до революции, - сказала Елизавета Яковлевна и с опаской спросила:

- Неужели вы пользуетесь кремлёвским пайком?

- Откуда взялся этот Ленин? - задумчиво говорила она. - Его мать до революции жила с нами на одной улице. Встречаясь, мы раскланивались. Такая приличная была дама. Всегда ходила в шляпе с вуалью, в перчатках до локтя. Свою речь Елизавета Яковлевна пересыпала французскими словами, уверенная, что я понимаю. Сидя со мной на кухне, она вспоминала: - "Я любила кухню с детства. Меня всегда оттуда гнала мама. Кухарка уговаривала: "Пусть Лизочка посмотрит. Вдруг она так выйдет замуж, что ей придётся самой готовить." - "Ну, уж глупости ты не говори, - возмущалась мама."

Елизавета Яковлевна звонила мне каждое утро. Говорила, что даже во сне благодарит Бога за нашу встречу. Как-то она нас грустно рассмешила, сказав, что шла к нам в дождь, а какой-то мужчина спросил:

- Куда вы тащитесь?

- Иду в гости, - гордо ответила она.

- Не завидую тому кто вас пригласил.

Она слабела с каждым днём. Ей всё трудней было передвигаться. Дома находиться почти не могла - сосед вышел на пенсию.

А мы? Мы с мужем получили разрешение на выезд. Мы ждали этого восемь лет. У нас была дочка в Америке. Мы уезжали, и я рассказала об этом Елизавете Яковлевне. Её реакция была неожиданной. Она страшно рассердилась.

- Если вы собирались уезжать, зачем вы меня пригнали, зачем был этот луч в моей жизни? Чтобы теперь мне стало ещё хуже? Даже собаку так не прогоняют.

Я стала уговаривать её прийти. Сказала, что мы поможем ей материально, что останется много вещей, одежды и т. д.

- Мне ничего не нужно, - сказала она и повесила трубку. Я не знала её адреса и телефона. Связь была односторонней. За день до отъезда я увидела её издали. Смеркалось. Она стояла за деревом и мочилась. Мне стало страшно. Я убежала. Больше я её никогда не видела. Мы уехали. Перед нами открылся свободный мир. Мы встретились с дочкой и внуком. Я почти забыла об этой женщине. Но какое-то смутное чувство вины временами смущает мой покой.

Нью-Йорк, 1995

О "воительнице"

М. Полянская

В берлинской газете "Европацентр" (№ 15, 26. 10. 95.) в память о Зинаиде Гиппиус, умершей 50 лет назад, напечатана статья Германа Андреева "Воительница". В ней есть одна серьёзная неточность. Автор сообщает: "В начале века в петербургской квартире Мережковских собиралась вся интеллектуальная элита столицы . . . Здесь Зинаида Гиппиус открыла двух гениальных мальчиков - Сергея Есенина и Осипа Мандельштама".

Что касается Есенина - это действительно так.

З. Гиппиус приняла деревенского юношу у себя в квартире на Сергиевской улице (ныне ул. Чайковского 83), где его ласково называли "пастушком", "лелем", "ангелом". А вот с Мандельштамом всё было наоборот - им она побрезговала в буквальном смысле этого слова - не пустила в свою роскошную квартиру (Мережковские жили тогда на четвёртом этаже в "доме Мурузи" окнами на Спасо-Преображенскую церковь. Современный адрес - Литейный пр. 24.), то есть поэт остался за дверью.

Не будем голословны - вот факты:

В письме к В. Брюсову 25-го октября 1910г. Гиппиус "рекомендовала" Мандельштама следующим образом: "Дорогой Валерий Яковлевич. Некий неврастенический жидёнок, который года два тому назад ещё плёл детские лапти, ныне как-то развился, и бывают у него приличные строки. Он приходил ко мне с просьбой рекомендовать его стихи вашему вниманию. Я его не приняла (уж очень он усталый), но стихи велела оставить, прочла и нахожу, что "вниманию" вашему рекомендовать я их могу, а что вы дальше с ними будете делать - это меня

уже не трогает . . ." (ГБЛ, 386. 82. 41, л. 29 - 29 об.)

Из дневника Сергея Каблукова, друга Мандельштама, одного из первых оценивших его талант: "Суббота, 5 февраля 1911г. Вчера И. Мандельштам сообщил мне, . . . что Брюсов сказал Ал. Н. Толстому, что посланные ему Зинаидой Николаевной стихи Мандельштама он считает незначительными и печатать не будет."

Таким образом, Брюсов отреагировал на "рекомендацию" Гиппиус соответственно: после этого письма он никогда Мандельштама не публиковал.

Мандельштам на собственные средства издал первый сборник стихов "Камень", и Каблуков послал его З. Гиппиус в надежде, что вот теперь она поймёт: Мандельштам - поэт. Но ответ её был неумолим. 9 июля 1913г. она пишет Каблукову: ". . . Мандельштама я получила, спасибо, хотя я им продолжаю не быть очарованной. Очень и очень "так себе". Чем он вас пленил?"

Однако спустя более десяти лет, З. Гиппиус уже хотелось стать причастной к славе ставшего знаменитым поэта. Вот тогда-то, в эмиграции, в своих воспоминаниях (Гиппиус З. Живые лица. Прага, 1925. С. 100 - 101) она и сообщила, что в десятых годах протезировала юному поэту и помогала ему войти в литературу.

В. Набокову были известны "антисемитские наклонности" З. Гиппиус, и в романе "Дар", где в Чернышевских (берлинских) пародийно изображена семья З. Н. Гиппиус - Д. С. Мережковский, он в третьей главе эти её "наклонности" подчеркнул.

В своих дневниковых записях Каблуков, назвал лишь одно стихотворение (из десяти отобранных ими для Гиппиус), с кото-

рым юный поэт стоял в тот памятный день
24 октября 1910 г. за порогом квартиры
известной и влиятельной дамы, поскольку
далее она "не пустила". Вот оно:

Неумолимые слова,
Окаменела Иудея,
И с каждым мигом тяжелее,
Его поникла голова.

Стояли воины кругом
На страже стынущего тела;
Как венчик, голова висела
На стебле тонком и чужом.

И царствовал, и никнул Он,
Как лилия в родимый омут,
И глубина, где стебли тонут,
Торжествовала свой закон.

Берлин, Цейлендорф, лето 1910.

Пресса русского зарубежья

В октябре прошлого года в Сиднее вышел первый номер русскоязычного журнала "Австралиада" под редакцией Н. Мельниковой. На сегодняшний день опубликовано уже 5 номеров этого ежеквартального издания. В обращении редакции "Австралиады" к читателям говорится: "Волны житейского моря вынесли за берега Русской земли миллионы скитальцев. Эти скитальцы, беженцы, бесподданные эмигранты, рассеявшись по миру, не сидели сложа руки, не ограничивались материальными благоустройствами, а стремились к творческому созиданию..."

Русская Австралия для большинства из нас - материк неизведанный. Между тем, она пережила свою особую и нелёгкую историю. Один из первых исследователей русского зарубежья А. Абданк-Косовский писал в "Парижском вестнике" (март 1944 года): "Австралия уже давно привлекала к себе русских хорошими заработками и сносным климатом. Огромная, малозаселённая страна нуждалась в рабочих руках, и русские находили здесь без труда хорошо оплачиваемую работу... Главный контингент русских, переселившихся в Австралию, составляли уральские казаки, затем чины Сибирской и дальневосточной армий и, наконец, бывшие служащие Китайско-Восточной железной дороги... Они - в непроходимых австралийских джунглях, где слышится стук их топоров; они - на плантациях сахарного тростника; они - на фермах... они - среди туземцев, охотятся с ними на кенгуру."

Вероятно, первым в Австралии русскоязычным изданием была газета "Эхо Австралии". Она вышла в свет 27 июня 1912 года. Интересно, что вторая русско-австралийская газета "Рабочая жизнь", выходившая во время Первой мировой войны, была коммунистической. После революции в России редактор "Рабочей жизни" Пётр Симонов объявил себя консулом большевистской республики. В ответ власти тут же запретили её издание. Позднее, в 30-е годы Австралия пережила даже "маленький расцвет" русской прессы, которым она обязана одному единственному человеку, священнику Иннокентию Серышеву. Именно он с 1933-го по 1935-й год издавал иллюстрированный журнал "Австралиада". На издательском поприще этот русский священник был неутомим. В общей сложности он был издателем и редактором 18 печатных органов на русском языке, среди них журналы "Церковь и Наука", "Азия" и "Путь эмигранта". К сожалению, многие из этих изданий заканчивались уже на первом номере.

Редакция "Зеркала Загадок" в "русской" Германии желает успеха коллегам в "русской" Австралии

Редакция "ЗЗ"

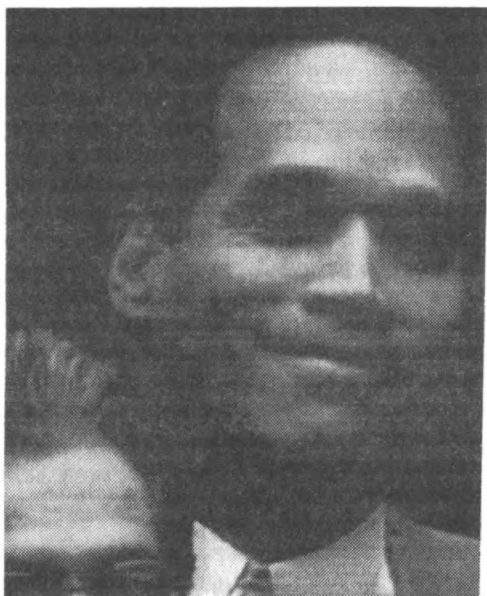
Процесс. Дело Симпсона

Игорь Полянский

Оправдательный приговор Симпсону не подлежит пересмотру. Даже если бы сегодня случилось невероятное: открылись бы новые, неопровержимые доказательства его вины. По законам Калифорнии двух процессов по одному обвинению быть не может.

... есть такое суеверие, будто по лицу обвиняемого, особенно по рисунку его губ, видно, чем кончится его процесс.

Франц Кафка, "Процесс"

Двенадцатого июня 1994 года в Лос Анжелесе были обнаружены тела зверски зарезанных Николь Браун и её друга Рона Гольдмана. А спустя пять дней полицейские устроили погоню за предполагаемым преступником. Когда же "предполагаемый" попытался скрыться - их предположения сменились уверенностью. Бешеная гонка по улицам города транслировалась по телевидению синхронно, так что миллионы американцев на экранах своих телевизоров могли наблюдать это невыдуманное детективное

шоу. Что же касается жителей Лос Анжелеса, то многим из них посчастливилось из окон своих квартир увидеть, как десятки полицейских машин преследуют автомобиль бывшей звезды футбола, игрока команды "Буфало Биллс", актёра и радиокomentатора, Оренталя Джеймса Симпсона - в прошлом мужа убитой Николь Браун.

Полиции, организовавшей погоню, мотивы убийства казались очевидными. Джеймс Симпсон даже после развода с Николь Браун в 1992 году неоднократно жестоко её избивал и полиция вызывалась по этому поводу часто. Друзья Николь вспоминают, как однажды задолго до смерти она сказала: "Когда-нибудь О. J. убьёт меня и ... уйдёт от ответственности".

После продолжительной погони Симпсон всё же сдался полиции, но заявил, что убийства не совершал. Он тут же попросил вести дело лучших адвокатов страны (11 адвокатов). Заплатил он им в общей сложности более 5 миллионов долларов, а спустя 9 месяцев покинул зал суда победителем.

"Процесс века" постоянно транслировался по телевидению: для CNN - небывалый источник прибыли. Передачи компании с участием Симпсона привлекали в среднем в 5 раз больше телезрителей, чем остальные программы, тогда как телефонная фирма AT and N понесла убытки. Например, во время заключительного заседания суда было зарегистрировано снижение количества междугородних переговоров на

60 процентов. Что же касается денег, заплаченных адвокатам, то они вернулись к Симпсону ещё до окончания процесса. Книга под названием "Я хочу вам сказать", написанная им при помощи одного журналиста, расходится огромными тиражами. На сегодняшний день она принесла ему уже 4 миллиона долларов. Бывший футболист запатентовал и свои инициалы "О. J.", которые в Америке стало модным изображать на футболках и сувенирных чашках.

Судебный спектакль по делу Симпсона не случайно приобрёл столь широкую популярность. Убийство 35-летней матери двоих детей и её 25-летнего друга превратилось в некую абстракцию. Событие послужило толчком к началу всеамериканской дискуссии, затрагивающей множество социальных проблем страны.

Предметом обсуждения стала личность Симпсона, его судьба, футбольная карьера. Выходец из низов общества, он был в детстве уличным хулиганом, а свой путь в футбол начал со спекуляции билетами на стадионах. "Процесс века" стал также поводом для дискуссии о насилии в браке, а тот факт, что Симпсон - чернокожий, а Николь Браун - белая, дочь немки, сфокусировал внимание общественности (в который раз) на расовых проблемах. В то, что белые полицейские всегда рады засадить за решётку чернокожего, верит большинство афроамериканцев. Доказательством этой точки зрения послужило прослушивание в зале суда интервью с полицейским Марком Фурманом, записанного на плёнку (12 часов записи). Эта запись была сделана около десяти лет назад, когда начинающая сценаристка Лаура Маккини задумала написать сценарий к фильму о нравах полиции Лос-Анжелеса. Марк Фурман по её просьбе описал их тогда весьма красочно. Вот только две цитаты из его откровений: "Я любил приходить на работу тренироваться. На "ниггерах" хорошо оттачивать удары.", "мы могли запросто убить и всегда при этом отвертеться". Между тем Марк Фурман, под при-

сягой поклявшийся, что он никогда не произносил оскорбительного слова "ниггер", - тот самый полицейский, который обнаружил главные вещественные доказательства, на которых строилось обвинение - окровавленную перчатку около дома Симпсона и следы крови на принадлежавшем Симпсону автомобиле "Форд Бронко".

Однако центром внимания общественности стала всё же американская юстиция. В процессе Симпсона как никогда раньше стало очевидным, что она требует серьёзных реформ. Фемида оказалась в весьма затруднительном положении - уж чересчур античный подход к делу у древнегреческой богини правосудия. Глаза у богини были завязаны почти в буквальном смысле. Двенадцать присяжных (9 чёрных и 3 белых, из них 10 - женщины) почти год прожили в гостинице, отгороженные от всего мира, дабы влияние общественности на их решение было исключено. В зал суда они доставлялись в специальном автобусе. Им разрешалось читать только те газеты и смотреть только те передачи, в которых не упоминалось имя Симпсона. Найти таковые было весьма трудной задачей. Что касается "завязанных глаз" Фемиды, здесь, памятуя расхожую истину, что "ученье - свет, а неученье - тьма", стоит обратить внимание на профессиональный состав судейского жюри. Среди присяжных 1: бухгалтер, образование - 2 года колледжа, любит разгадывать кроссворды; 2: работает в больнице, образование - 1 год колледжа; 3: экспедитор, образование - неполное среднее; 4: уборщица, заядлая болельщица на скачках, среднего образования не имеет и т. д. Американское судопроизводство принципиально отличается, скажем, от немецкого. Так, в Германии, в отличие от Америки, присяжные принимают решение не самостоятельно, а совместно с профессиональными юристами.

Присяжным предстояло ответить на единственный вопрос: "остаются ли разумные сомнения в вине Симпсона", иными словами - убивал он или не убивал? Для того,

чтобы приговорить или оправдать обвиняемого, решение судейского жюри должно было быть только единогласным. В противном случае дело началось бы сначала.

Опрос общественного мнения до окончания процесса показал: большинство белых американцев уверены в том, что Симпсон - убийца. Однако обвиняемый недаром так щедро платил адвокатам. И это ещё один "американский вопрос", ответа на который с нетерпением ждала общественность. На одной чаше весов Фемиды - тяжкие улики, кровь и волосы Симпсона, обнаруженные на месте преступления, на другой - 5 миллионов долларов, заплаченные лучшим адвокатам страны. Что перевесит? Ведь независимо от того, убивал Симпсон на самом деле или нет - очевидно одно: будь он нищим - процесс несомненно был бы проигран, а обвиняемый обречён.

Стратегия защиты была, на первый взгляд, проста: ставить под сомнение абсолютно всё, в том числе и данные экспертизы. Козырные карты защиты: прямых свидетелей преступления нет, оружие убийства не найдено. Между тем, обвинительный приговор мог быть вынесен только в том случае, если бы было доказано наличие мотивов, возможностей и средств убийства, и исчезли бы все "разумные сомнения" в вине подсудимого. Какого рода сомнения можно считать разумными? Каковы вообще критерии разумности? На эти и подобные им вопросы в американском законодательстве удовлетворительного ответа не найти.

Кровь того же типа, что у Симпсона, его волосы, найденные на месте преступления, могли оказаться там и раньше, до убийства. Были же там найдены и волосы, Симпсону не принадлежавшие. А может быть полицейские, белые расисты, подбросили улики на место преступления? Согласно версии защиты, Фурман, склонный к фальсификации в работе, взял окровавленную перчатку (одна из улик) с места преступления у виллы Николь Браун и подбросил её к дому Симпсона. У входа в дом Николь были обнаружены следы

ботинок, якобы принадлежавших Симпсону. Но ведь сами-то ботинки так и не были найдены! Адвокаты поставили под сомнение и данные судебно-медицинской экспертизы. Они заставили экспертов спуститься с неприступного "научного Олимпа" и спросили их прямо, без обиняков: "А не перепутал ли кто по халатности или по умыслу пробирки, господа аналитики?" "Нет, как можно!" - ответили эксперты. Реакция защиты: "Мы ждали такого ответа. Разумеется, вы отвечаете "нет!" Однако кто с полной уверенностью может исключить ошибку?" Пожалуй, высшей точкой судебной драмы (по всем правилам этого жанра), незадолго до развязки, явилась сцена примерки в зале суда окровавленных перчаток. Симпсон долго пытался натянуть их на глазах у затаившей дыхание публики. "Узки", - заключил он. Впрочем, не только адвокаты, но и обвинители в этом шумном процессе были профессионалами: вскоре в зал суда были доставлены перчатки той же фирмы и того же размера, но новые. Симпсону они пришлись как раз впору. "Перчатки сели, потому что они пропитались кровью", - заявил торжествующий обвинитель.

Адвокаты успешно использовали множество слабых мест американского законодательства. На протяжении двух месяцев штат (сторона обвинения) пытался доказать наличие мотивов преступления. Для этого необходимо было опросить свидетелей издевательства Симпсона над бывшей женой. Однако допрос свидетелей регламентируется в Америке сводом правил под названием "Rules of Evidence". Согласно этим правилам нельзя, например, задавать один и тот же вопрос несколько раз. Запрещено также ставить вопросы, намекающие на ответ. Например, вопрос: "правда ли, что вы видели, как господин N совершил преступление" тут же вызовет апелляцию адвокатов. Спрашивать можно только так: "что вы видели в такой-то день?"

Юристы не имеют права задавать вопросы, ответы на которые находятся вне компетенции свидетеля. Согласно этому

положению, неправомерен, скажем, вопрос: "Когда Вы упали, что случилось с вашей ногой?" Ответ, казалось бы, очевиден: "Я её сломал". Но если пострадавший не врач, он не может поставить себе диагноз (правило компетенции). В то же время диагноз врача, сообщённый пострадавшим суду, и даже письмо от врача не имеют юридической силы (правило hearsay). Единственный выход - привести врача в зал суда, где он заявит под присягой, что господин N действительно сломал действительно ногу. Что касается искалеченного господина N, то инвалиду придётся ещё заплатить за такую врачебную услугу тысячи две долларов.

Недопустимыми считаются и вопросы, нацеленные на компрометацию показаний свидетеля: "были ли Вы пьяны, когда наблюдали, как господин N бил господина К?" Если невозможно доказать, что свидетель был пьян, подобный вопрос некорректен.

Такого рода тонкости судопроизводства были умело использованы защитой. Так, например, для доказательства мотивов преступления необходимы были подтверждения того факта, что Симпсон часто избивал свою бывшую жену. То, что он её избивал, доказать сумели, но маленькое, ёмкое и такое важное слово "часто" обвинению так и не удалось внести в протокол. Таким образом, при решении вопроса убивал Симпсон или нет, показания о мотивах преступления не рассматривались. Иными словами, мотивов с юридической точки зрения не было. "Я полагаю, адвокатам удалось весьма успешно внести неразбериху в это дело", - заявила профессор права из Нью-Йорка Рут Джонс.

Единогласное решение присяжных признать Симпсона невиновным для многих, возможно, даже для самого подсудимого, было неожиданным. Рекордно короткий срок вынесения приговора - судейское жюри потратило на размышления всего 4 часа - сочли знаком не в пользу Симпсона. Тем более ошеломляющим стал оправдательный приговор. Он всколыхнул всю Америку, разделив страну на два лагеря. Большин-

ство (77 процентов) белых американцев, и после окончания процесса считают Симпсона убийцей. В то же время 72 процента чернокожих утверждают, что он невиновен. Страсти накалились настолько, что президент Клинтон вынужден был призвать американцев к сдержанности: "Судейское жюри рассмотрело все доказательства сторон и вынесло приговор. Наша правовая система требует уважения к этому решению." В то же время президент полиции Вилли Вильямс на вопрос журналистов, будут ли предприняты поиски настоящего убийцы, дал ответ, не оставляющий сомнений в его позиции: "Причин продолжать следствие я не вижу. Оправдательный приговор ещё не означает, что существует другой убийца". Между тем, Симпсон готовит к изданию свою вторую книгу (уже заключён договор, который принесёт ему 6 миллионов долларов), и появились слухи о его предстоящем бракосочетании с Паулой Барбери. Впрочем, жизнь у него неспокойная. Его освободили из-под стражи, но у дома круглосуточно дежурит полиция для предотвращения возможных нападения. Соседи Симпсона протестуют против его возвращения в Брентвуд (пригород Лос Анжелеса, в котором живут преимущественно белые). Родители жертв преступления готовят ему новый судебный процесс, но теперь уже не уголовный, а гражданский. Американцам предстоит стать свидетелями очередного абсурда. Гражданский процесс, в котором семьи Браун и Гольдмана предполагают потребовать "возмещения нанесённого ущерба" будет проходить в районе города, населённом преимущественно белыми, а это значит, что и в судейское жюри войдут главным образом белые. В случае, если гражданский суд заново рассмотрит дело, признает Симпсона убийцей и обяжет его "раскошелиться" за совершенное преступление, раскол в обществе неизбежно усугубится. Ну а, что касается американского правосудия, такой исход дела грозит ему небывалым кризисом.

Гений или около?

Выдумка посильнее, чем "Фауст": Троцкий является потомком Пушкина Александр Афанасьев.

Говорят: "На детях гениев природа отдыхает". И хотя история знает немало примеров обратного свойства, примеров даровитой семейственности, это лишь исключения, подтверждающие правило, справедливость же скептического взгляда на потомство выдающихся людей слишком очевидна, чтобы её оспаривать. Талант, как Дух Святой, веет, где хочет, и, подобно снаряду в одно и то же место попадает редко. Тем не менее человечество старательно противится очевидному и за неизменем фактов наподобие детей лейтенанта Шмидта просто придумывает своим любимцам фиктивные родословные.

Вспоминается, лет тридцать назад известный журналист Ярослав Голованов шутки ради запустил "утку", будто Сталин являлся незаконным сыном Пржевальского. Аргументов было два: Пржевальский жил в то время на Кавказе и поставленные рядом фотографии путешественника и генералиссимуса демонстрировали поразительное сходство. Несмотря на сомнительность аргументации, новый сталинский миф имел успех и за верное дело рассказывался на московских кухнях.

Ещё более крутая фантазия была опубликована не так давно в газете "Деловой мир". Из публикации следовало, что Лев Давидович Бронштейн (Троцкий) являлся потомком . . . Пушкина. Предком Льва Давидовича оказался незаконнорожденный сын некой "прелестной полячки". Ещё замечательнее, что крёстным пушкинского бастарда (ублюдка) выступил шеф 3-го отделения Леонтий Васильевич Дубельт. Каково? Это выдумка посильнее, чем "Фауст" Гёте. Шитые белыми нитками мифы о потомках гениев - лишь одна из форм, в которых проявляется особое к ним отношение человечества. Люди, глядя на наследников громких имён, волей-неволей отыскивают в облике их отголоски харизмы, благодати, некогда снизошедшей на их предков. При большом желании отголоски находятся

Известны случаи, когда даже сами по себе даровитые люди настолько заражались подобными настроениями, что вступали в брак с совершенно бесцветными представителями знаменитых фамилий. Так, Сергей Есенин был попеременно женат на дочери Шалыпина и на внучке Толстого, хотя, казалось, великий поэт менее, чем кто-либо, нуждался в заёмной харизме.

Попытки уловить в свои сети тень гения посредством близких ему некогда женщин - дело обычное. На многодетной, бедной и недалёкой вдове Моцарта женился Георг фон Ниссен, давний почитатель композитора, и, женившись, решил, что теперь вправе дописывать недописанный Моцартом "Реквием"; желая причаститься чужой благодати, женился Василий Васильевич Розанов на Аполлинарии Суслевой - давней любовнице Достоевского, хотя она была много старше, крутого нрава и нередко супруга поколачивала.

Мифотворчество не обошло своим вниманием также жён даровитых людей. Причём в данном случае фантазия сказителей оказывалась разноразнаправленной к полюсам общественного мнения. Недавно, к примеру, пришлось прочитать в одном довольно солидном журнале, что автором теории относительности был не Альберт Эйнштейн, как принято думать, а его жена, Милева

Марич. Эйнштейн же просто присвоил открытие своей хорошенькой супруги и в дальнейшем лишь почивал на лаврах. Случалось сталкиваться и с прямо противоположным мнением, будто жена Эйнштейна не только не блистала красотой, но была небольшого ума, ревнива, дурного характера и много крови попортила учёному, чья деятельность могла бы быть много плодотворнее, не мешай ему злобная супруга.

Первая версия легенды о Милеве Марич, где жена выступает в роли доброго гения мужа, пусть не часто, но встречается в биографической литературе. Однако, подходя к делу статистически, необходимо признать, что второй вариант с женой - злым гением безраздельно доминирует, хотя и здесь, как всякая крайность, несёт по большей части легендарный характер. Традиция писать образ жены гения одной чёрной краской преследует, очевидно, цель - на её фоне выделить добродетели даровитого супруга, т. е. опять-таки мифологизировать предмет почитания. Восходит же эта традиция ко временам Ксантиппы, жены Сократа, имя которой стало нарицательным для обозначения всякой недостойной своего великого супруга жены.

Сократа к образцовым мужьям никак не отнесёшь: ничего не зарабатывающий, целый день мыкающийся по городу в поисках собеседника, он, естественно, не мог не вызывать раздражения у жены, в одиночку несущей бремя семейных и хозяйственных тягот. Однако биографы Сократа явно перебарщивали, когда сообщали, будто Ксантиппа даже публично била мужа и будто ученики философа спрашивали: почему он не сопротивляется, а Сократ отвечал: "Зачем? Чтобы мы лупили друг друга, а вы покрикивали: "Так её, Сократ! Так его, Ксантиппа!"" Данный рассказ - очевидный миф, не имеющий ничего общего с реалиями Греции той поры. Легенда о гречанке пятого века, публично лупящей своего мужа, как бы плох он ни был - из разряда казусов.

Опыт биографов Сократа пригодился последующим сказителям в жизнеописаниях даровитых людей. Поминая жён, они традиционно упрекали женщин в неспособности оценить величие супруга и добавляли к этому клише несколько индивидуальных, малосимпатичных деталей. Приведу лишь несколько примеров такого рода. Жену Гёте - Христиану Вульпиус, кроме всего прочего, попрекали за пристрастие к шнапсу, уверяя, будто она спиртными парами отравляла дыхание гения. При этом биографы совершенно упускали из виду, что Гёте сам не дурак был выпить и без двух бутылок вина, опорожненных за день, спать не ложился. Так что неизвестно, кто кого травил.

Вторую жену Наполеона Марию-Луизу Австрийскую биографы кляли за то, что она после первого отречения императора пустила на его место ничтожного камергера Нейперга. Хотя для них не составляло тайны то, что брак с императором заключался по расчёту и что могущество супруга вовсе не гарант любви до гроба.

Ярлык "Ксантиппы" прочно приклеился и к образу жены Толстого Софье Андреевне. Из современников великого писателя, пожалуй, только Горький попытался её защитить. Он писал: "Говоря о жене его, следовало бы помнить, что при всей страстности натуры художника Софья Андреевна была единственной его женщиной на протяжении почти полувека. Она была интимным, верным и, кажется, единственным другом. Хотя, по щедрости богатого духом, Лев Толстой называл друзьями многих людей, но ведь это были только единомышленники его. И, согласитесь, трудно представить человека, который поистине годился бы в друзья Толстому. Уже один этот факт неизменности и длительности единения с Толстым даёт Софье Андреевне право на уважение всех истинных и ложных почитателей работы и памяти гения; уже только поэтому господа исследователи "семейной драмы" Толстого должны бы сдержать своё злоязычие, узко личные

чувства обиды и мести, их "психологические розыски", несколько напоминающие грязенькую работу полицейских сыщиков, их бесцеремонное и даже циничное стремление приобщиться хоть кожей пальцев к жизни великого писателя.

Странное дело: мы - взрослые, трезвого рас-судка люди - с детской жадностью продол-жаем сочинять и потреблять самые дикие мифы, связанные с жизнью великих людей и их окружающих. Приписываем им неимо-верную благодать и низменнейшие пороки. Знак не важен, главное, чтобы гений выпа-дал из обычных человеческих мерок и пред-ставлений. Хотя давно не тайна: даровитый человек за пределами своего творчества - такой же обыватель, как и мы, грешные. По блистательному афоризму Фаины Ранев-ской: "Талант - как прыщ: может и на заду вскочить". И тем не менее ожидание чуда не покидает нас при первом взгляде на сколько-нибудь заметную личность. На языке специалистов по первобытным религиям такое явление называется фетишизмом. И напрашивается естественный вопрос: так ли мы цивилизованы? Чем те из нас, кто благо-говейно взирал на дырявое от пуль пальто Ленина или взирает на тевтонского вида лифчик Мадонны, отличаются от дикаря, мажущего маслом на алтаре и украшаю-щего перьями обыкновенный камень?..

"Новое Русское Слово", Нью-Йорк

AUSEINANDER

Immanuelkirchstraße 5, 10405 Berlin
1 Heft # 8 Mark // 4 Hefte # 30 Mark

"Классическое вино"

филологические экзерсисы
М. Полянская, И. Полянский

Verlag "ARSIS"

неклассические толкования
произведений русской классики
"Классическое вино" вы можете
приобрести в магазинах русской книги
и в редакции "ЗЗ", тел. 441 03 48

"ARS"

Zeitschrift der russischen Kunst

Verlag "ARSIS"

191104, St. Petersburg,

Fontanka 34, Tel. (812) 2729738

Fax (812) 272 20 34

Себя, как в зеркале я вижу,
Но это зеркало мне льстит.

А. Пушкин

ЗЕРКАЛО ЗАГАДОК

рекламирует (почти) всё!

Стоимость рекламы:

6,4 см. / 2,5 см. - 40 DM

6,4 см. / 6,5 см. - 100 DM

Страница журнала - 500 DM

Последний акт . (Продолжение)

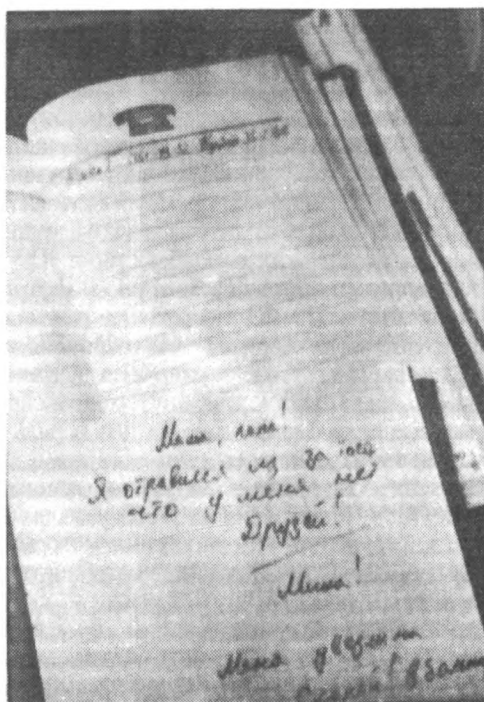
Почему люди идут на самоубийство? Старики - от старости? Молодые - от незрелости? Образованные - от большого ума? Необразованные - от малого? Пьющие - от водки? Непьющие - от неумения расслабиться?

Александр Мелихов

В энциклопедии Брокгауза и Ефрона проблеме самоубийства посвящена основательная статья, в БСЭ (1944 г.) указана лишь статья уголовного кодекса о доведении до самоубийства, а из следующих изданий исключено и само это понятие: советские руководители в конце двадцатых годов последовали примеру своего классового врага Шишкова, за сто лет до них начертавшего на солидном статистическом исследовании профессора К. Ф. Германа: " Хорошо извещать о благих делах, а такие, как смертоубийства и самоубийства, должны погружаться в вечное забвение". В десятилетия же ограждения святынь и удвоения числа самоубийств молчаливо предполагалось, что лишь душевнобольные способны по своей воле покинуть страну, в которой с каждым днём всё радостнее жить (хотя и по сию пору психически больных среди самоубийц не больше четверти, да и душевная болезнь тоже ещё не причина убивать себя). Предваряя доказательства, скажу: не существует никакой связи между числом самоубийств и материальными условиями

жизни людей (бытие не определяет сознания). Но, к сожалению, средний советский человек за десятилетия жизни во тьме почти перестал нуждаться в зрении: ему и без науки всё понятно. Скажите ему, что чаще всего кончают с собой старики, - разумеется, старость не радость. Скажите, что молодые, - ещё бы, у них порывы и незрелость. Скажите, что бедные, - разумеется, от лишений. Богатые - зажрались. Образованные - от большого ума, необразованные - от малого, пьющие - от водки, непьющие - от неумения расслабиться и т.п.

Вам не удастся сочинить такой нелепости, о которой он не сказал бы: "Я так и знал". Но среди противоречивых, исключаяющих друг друга объяснений вы заметите одну закономерность: причины будут приводиться сугубо материальные - имущественные, медицинские,

по никогда - духовные, связанные со взглядами людей, их нравами, вкусами, ценностями. Обрушивая на марксизм громы и молнии, большинство из нас при этом ничуть не сомневается в тезисе "бытие определяет сознание", понимая бытие в сугубо "земном", весомом, грубом, зримом духе вулгарного марксизма (а не вулгарного я не видел). Учение Маркса сделалось всемогущим не из-за "еврейских происков" и уж тем более не потому, что оно верно, а потому, что оно отвечало глубочайшей человеческой потребности - жажде примитивности, жажде иметь элементарный и универсальный ответ на сложнейшие вопросы мироздания.

Однако вопреки животному материализму, для человека важнее не столько то, что с ним происходит, сколько то, как он к этому относится, и разгадка проблемы самоубийства кроется главным образом не в материальном быте людей, а в их мнениях, нравах, отношениях друг с другом: ни одна материальная закономерность не сохраняется при переходе к новому социуму или временному отрезку. Вопреки распространённому мнению, люди с возрастом кончают с собой всё чаще и чаще (хотя максимум суицидальных попыток приходится на 16 - 24 года), однако в некоторых странах выделяется относительный пик в возрасте "предварительных итогов" т. е. 45 - 54 года. В 20-е годы 3/4 попыток и 2/3 завершённых самоубийств приходилось на возраст до 30 лет. А в Израиле, Исландии, Новой Зеландии - что в них общего? - наблюдается снижение самоубийств в "стариковской" группе. Шри-Ланка же даёт безумный пик в группе 15 - 24 года (мужчины 70, а женщины 55 ежегодных самоубийств на 100 тысяч человек).

Обычно в бедных странах в несколько раз меньше самоубийств. Но в Венгрии 56 мужских и 25 женских самоубийств на 100 тысяч соответствующего населения, а в куда более процветающей Швеции - 28 и 11. А в похожей на неё Норвегии 17 и 6. А в похожей Финляндии - 41 и 10. Попробуйте разглядеть закономерность: в бывшей ГДР - 46 и 28, ФРГ - 30 и 16; Австрия - 35 и 15, Дания - 30 и 17, Япония - 22 и 14, США - 19 и 7, Франция - 23 и 9, Болгария - 21 и 9, Канада - 18 и 7, Польша - 21 и 4, Австралия - 16 и 6. Как видите, самоубийств среди женщин меньше, но суицидальных попыток больше (данные не самые свежие, но суть верна).

В Англии больше всего самоубийств в высших классах, затем идут чернорабочие, на последнем же месте - квалифицированные рабочие. С другой стороны, в США уровень самоубийств среди белых в 2,5 раза выше, чем среди цветных. Считается, что мобильность, перемешивание населения, которым у нас 70 лет занимались с полной беззаботностью, увеличивает число самоубийств. Но среди "мигрантов" Москвы и Петербурга особой активности по этой части как будто не замечено. В начале века было твёрдо установлено, что самоубийство - болезнь больших городов, но вот в Ленинграде в 1989 году произошло 844 самоубийства, а в Ленинградской области - около 440, т.е. "на душу населения" значительно больше.

Понять глубинные причины роста самоубийств невозможно не вглядываясь в духовные факторы - незримые опоры человеческого бытия. С замечательной зоркостью сумел это сделать Эмиль Дюркгейм в изданном в начале века трактате "Самоубийства".

Многие люди переносят самые ужасные несчастья, не помышляя о самоубийстве. Вместе с тем Дюркгейм отмечает, что нет огорчения настолько пустякового, чтобы оно не могло стать причиной добровольной гибели, - это заставляет искать истинную причину утраченной стойкости где-то глубже: закономерный, устрашающий рост самоубийств во всей цивилизованной Европе (в несколько раз за вторую половину 19-го века - во Франции их число удваивалось каждые 30 лет) не могло бы зависеть от будничных бед, которых во все времена было предостаточно. Дюркгейм практически исключает внешние материальные факторы; о биологических не может быть и речи - биологические

параметры не способны так резко меняться. Уровень потребления алкоголя тоже не главная причина: пьянство больше распространено в низших классах общества, а самоубийства в высших; больше вина пьют на юге, а самоубийств больше на севере. И вообще, если человек сначала пил, а потом повесился - это вовсе не означает, что повесился он оттого, что пил: и пьянство, и самоубийство могут быть просто последовательными стадиями единого процесса. Алкоголиков у нас сегодня раз в десять больше, чем алкоголичек, но суицидальных попыток среди последних, по некоторым данным, больше в шесть раз, - отчего бы алкоголю так по-разному действовать на женщин и мужчин? Вот социологический портрет, так сказать, рядовой алкоголички и алкоголички-суицидентки.

Рядовая: воспитывалась в неполной семье, образование ниже среднего, имеет собственную семью, мотивы алкоголизации интерперсональные, форма потребления алкоголя систематически-групповая, тип деградации эксплозивный.

Студентка: воспитывалась в полной семье, образование выше среднего, не отягчённая алкоголем наследственность, мотивы алкоголизации интраперсональные, форма потребления алкоголя запойно-одиночная, тип изменения личности астенический.

Как видите, рядовая алкоголичка включена в породившую её среду, суицидентка же ни с кем не разделяет своего образа жизни, так не соответствующего устоям, в которых она была воспитана.

В этом и заключается, по Дюркгейму, глубинная причина: разрыв связей со своим кругом, утрата твёрдых, не вызывающих сомнений жизненных правил. Частоту самоубийств на поверхностный взгляд в его время увеличивал рост образования и благосостояния, но этому резко противоречила одна социальная группа: евреи - не местечковые, живущие в изоляции, а просвещённые европейские иудеи, ни имущественно, ни профессионально не выделявшиеся из обычного городского населения. Но евреям не страшно даже образования: принадлежа в социокультурном отношении к наиболее суицидоопасным слоям населения - дельцы, люди свободных профессий, - они выделялись из них пониженным уровнем самоубийств: их охраняла принадлежность к отчётливо очерченной общине, замешанная на религии регламентация быта. Разумеется, еврей-мясник и еврей-профессор верили очень по-разному, причём профессор (адвокат или писатель) зачастую и вовсе не верил, однако и они почитали в религиозных обрядах древний неприкосновенный обычай. Ритуал важнее мистической веры, полагает Дюркгейм, если только он почитается в религии важнее всего совокупность неприкосновенных общественных обычаев. И чем большую свободу мыслей и отступлений от обрядов она предоставляет, тем шире круг самоубийц: их, в частности, больше среди протестантов, чем среди католиков.

Подчинение желаний индивида некоему общепринятому духовному руководству Дюркгейм назвал сплочённостью общества. В падении сплочённости он и усматривал глубинную причину роста самоуничтожений. Однако этого рода "сплочённость" вовсе не означает взаимной любви - уменьшение самоубийств может идти рука об руку с возрастанием преступности. Кастовые, патриархальные общества с низким уровнем самоубийств современному человеку представляются просто ужасными, но - в них и угнетатели, и угнетённые, и даже преступники одинаково смотрят на вещи, существующий порядок представляется им единственно возможным, они имеют объекты совместного поклонения. Именно освобождение желаний из-под контроля общества, утрата единства норм и ценностей, по мнению Дюркгейма, являются причиной резко повышенного уровня самоубийств в двух группах: людей свободных профессий и дельцов.

Люди свободных профессий, составляя наиболее культурную часть общества, лучше других понимают, что под луной нет ничего абсолютно справедливого, абсолютно

достойного, абсолютно красивого - что считается красивым у одних народов, безобразно у других, достойное сейчас считалось позорным вчера: где-то считается красивым прямой нос, а где-то - приплюснутый, где-то невинность девушки свидетельствует о её неукротимости, а где-то - всего лишь о непривлекательности, где-то превыше всего ценится талант, а где-то родовитость, где-то стыдно красть, а где-то стыдно трудиться. Всё бrenно, всё преходяще, ничто не вызывает безоговорочного восторга и безоговорочной, нерассуждающей ненависти - а потому и ни одна цель не захватывает до конца.

Культурному человеку, "умнику" обычаи собственного народа не представляются единственно возможными, а неспособность толпы усомниться в них - лишь усугубляет презрение к людям, с их преклонением перед властью, богатством, ловкостью, жестокостью, с их примитивными вкусами, с их доверчивостью к нелепым и злобным слухам, к демагогам и колдунам (экстрасенсам) - и недоверие к пророкам и учёным . . . Всё так, но драма в том, что люди представляют собой практически единственную земную цель всякого творчества. И если ты не способен служить каким-то абстрактным ценностям вроде Науки, Искусства, Милосердия, то все твои дарования остаются невостребованными, и тогда они своей ненужностью начинают разъедать тебя изнутри.

Одиночество - это не отсутствие собутыльников, одиночество - это любовь к чему-то, которую никто не разделяет. Например, любовь к своему таланту . . .

Самоубийства этого рода Дюркгейм называет эгоистическими - именно пренебрежение к людям, считает он, оставляет твою жизнь без цели.

Но ведь все эти утончённости недоступны "делягам", на первый взгляд сориентированным на собственное брюхо? Однако и они озабочены вовсе не брюхом, а социальным успехом, а последний не имеет естественных границ. Желаниям может положить границу лишь авторитет, который мы уважали бы внутри себя, а не напоказ. В патриархальном, замкнутом обществе роль такого ограничителя исполняет общепринятый обычай: пария не может мечтать стать брамином, а крепостной - баринном.

Но в обществе, нацеленном на безграничное обогащение, на безграничное движение ввысь, для притязаний исчезают всякие рамки - дельцы более всего страдают от непомерно разрастающихся appetitов: они легко "рискуют необходимым в надежде приобрести излишнее", а неудача представляется им вселенской катастрофой . . .

Итак, "умники" утрачивают цель своей деятельности, а "деляги" - границы своих потребностей. Однако есть ещё одна группа с повышенным (в Италии в 5 раз, а во Франции в 10 раз выше "нормы") уровнем самоубийств - это, выражаясь обобщённо, унтер-офицеры. Причина самоубийств среди них иная, и снова нематериальная. Её можно назвать так - тоталитарное сознание: у человека, привыкшего считать себя ничтожной частью великого целого, притупляется чувство бесконечной ценности собственной жизни. Итак, именно не вызывающие сомнений сверхлические цели и ценности, пусть неосознанные, дают человеку силы бороться с личными невзгодами.

Для выходца из России это звучит слишком "по-советски", чтобы быть правдой, - нам так долго навязывали бессмысленные и бесчеловечные казённые цели, что мы уже склонны считать всё сверхлическое демагогическими выдумками. Кажется, так просто: если есть колбаса и туалетная бумага (начало и конец всякого блаженства), человек не захочет уйти из жизни. Однако я знаю старушку, которой продовольственный кризис позволил сбросить лет двадцать: с просветлённым лицом и пылающими глазами она летает из очереди в очередь, хотя ещё месяц назад без охов не могла добраться и до поликлиники. Человеческая жизнь, учил Шопенгауэр, колеблется между тревогой и скукой, и не так уж редко тревога оказывается куда более целительной.

Убивают не столько лишения, сколько ослабляющие волю сомнения. "А стоит ли уж так

надрываться?" Правда, от губительных сомнений защищает не только страсть к чему-то сверхличному, но и заурядная твёрдолобость. У бродячих собак жизнь совершенно собачья, но они не помышляют о добровольном уходе из жизни - оттого что не способны посмотреть на себя со стороны (кстати, лишь шимпанзе умеют узнавать себя в зеркале) и вынести себе приговор, как это делает человек: я уродлив, я бестолков, несчастен, я недостойн жить (или жизнь недостойна меня). Только человек способен вообразить, как будут потрясены его смертью обидчики . . .

Цельный человек, который никогда не смотрит на себя глазами постороннего, который судит лишь других, но не самого себя, может, подобно животному, и убить - кого угодно, кроме себя самого. Цельные твёрдокаменные люди-автоматы, на всё привыкшие реагировать раз и навсегда предписанным образом, ненавидят всякую новизну прежде всего за то, что она способна посеять сомнения в привычном. Из-за непривычных фактов, мнений, причёсок, штанов их собственные перестают казаться им единственно правильными и единственно возможными = и они преследуют всякую новизну, всякое разнообразие прежде всего как источник смертоносных сомнений. Они словно угадывают открытие Дюркгейма: рост самоубийств идёт рука об руку с ростом свободомыслия и разнообразия.

И они правы: возврат к единообразию, например, сталинского или национально-общинного образа жизни действительно уничтожил бы сомнения в том, что советское (российско-православное) - значит лучшее, вернул бы цельность нашей воле. Но сегодня, чтобы вновь отгородиться от бесконечно разнообразного и бесконечно обновляющегося мира, понадобилось бы уничтожить уже не четверть, а девять десятых населения, пришлось бы истребить миллиарды книг и журналов. В сегодняшнем мире прочными кумирами, вероятно, могут оставаться только духовные. Звезда Сталина за полвека успела взлететь в зенит и угаснуть в отхожей яме, но Гомер остался Гомером, Ньютон - Ньютоном, а Моцарт - Моцартом. Духовные кумиры, в отличие от политических и узконациональных, не уничтожают друг друга. В мире духа чужеземное может срастаться с отечественным, а новаторское с традиционным, Пушкин может учиться у Байрона, Томас Манн - у Толстого, а Капица - у Резерфорда. Духовные ценности можно любить без оговорок, в отличие от политических фигур и политических программ, вынужденных для выживания хитрить и приспосабливаться. Духовные ценности в компромиссах не нуждаются. Сегодня культура из роскоши превращается в средство выживания. В начале века рост образования увеличивал вероятность самоубийства. Революция, по-видимому, лишь усугубила этот процесс в России: по оценке Л. Лейбовича (1923 год) грамотность увеличивала склонность к самоубийству в 3 - 4 раза, а высшее образование - чуть ли не в 50 раз. Но сегодня - картина обратная: среди людей с высшим образованием уровень самоубийств понижен примерно в 1,5 раза, а отсутствие среднего образования в 2,5 раза увеличивает его. Говоря упрощённо, для прогресса необходимо общение народов и разнообразие, а для спокойной уверенности в правильности всего сущего - изоляция и единство. Совместить же разнообразие с единством до сих пор удалось, кажется, лишь мировой художественной культуре. Она наделяет своих поклонников чувством безоговорочного совместного (!) благоговения и причастности к чему-то бессмертному - то есть тем чувством, которое прежде дарила религия. При этом обожествление человеческого духа не требует нерассуждающего доверия к преданию, которое, однажды разрушившись, уже не восстанавливается, а, кроме того, история искусств пока не знает религиозных войн.

Печатается по тексту журнала искусств "Арс" (тематический выпуск "Бездна: "Я" на границе страха и абсурда", Санкт-Петербург) с разрешения редакции.

Немецкий язык для начинающих родителей

Редакцию консультирует Дирк Гёттинг (панк с 1984 года)

Если вы отдали своего сына в немецкую школу или - хуже того - в немецкий детский сад, не удивляйтесь, когда в один прекрасный день (а такой день обязательно наступит) он, вернувшись домой, откроет ногой дверь и заявит: "Ich hau ab, wir wollen heute noch 'n paar Tussis anbaggern". Родительское назидание было бы в такой ситуации очень к месту. Вот если бы только знать, каких таких Tussis собирается anbaggern ваш ребёнок?

Словарь

abfahren

Слово употребляется часто. Пример 1: ein total abgefahrenes Teil! Перевод: "крутая, классная пивная". Пример 2: Da fahr' ich voll drauf ab! Перевод: это круто, я тащусь! или - на "хохрусском": ах, как это мило!

aufmischen (техн.)

Употребляется очень часто. Перевод: бить, избивать, "выйти поговорить"

abschminken

Употребляется слишком часто. Было бы ещё полбеды, если бы мы это слово говорили кому-нибудь сами, но, почему-то, чаще всего его употребляют другие по отношению к нам. Пример: Вы просите друга: "Одолжи 20 копеек." Что он вам на это отвечает? А он вам отвечает: "Das kannst du dir abschminken!" Перевод: и не надейся, обломись!

abschnallen (мед.)

Ваш сын, проколов в ухе дырку и нацепив серьгу, скажет друзьям: "Da schnall' n meine Alten doch echt ab!" Перевод: у моих родителей точно поедет крыша!

alt

Слово "alt" означает не только "старый". К сожалению, этому понятию "все возрасты покорны". Если бы Алёнушка из сказки умела говорить по-немецки, она бы так сказала братцу Иванушке: "Не пей из лужи, sonst siehst du schnell echt alt aus!" В русском народном переводе: а то козлёночком станешь! Иными словами: "у тебя будет жалкий вид".

anbaggern

употребляется по отношению к лицам противоположного пола. Перевод: знакомиться, клеить, снимать, целовать. Пример: Laß uns mal 'n paar Tussis in der Disko anbaggern! В литературном переводе: а не снять ли нам девочек в дискотеке?

anmachen Перевод: смотри anbaggern или - нервировать, доставать.

arbeiten

неосознанно-бессознательная попытка народного сознания наполнить непопулярное слово "работать" привлекательным содержанием. Недаром немцы любят повторять: "Die Arbeit macht mir Spaß" Пример: an der Tussi arbeiten. В литературном переводе: целовать даму.

Наша юридическая справка. Иосиф Химмельман

Эта рубрика ставит своей целью лишь общее ознакомление с немецким законом об иностранцах. Перевод печатается сокращённый, не дословный, но близкий к оригиналу.

AuslG / vom 09.07.1990

Раздел 4

Парагр. 43 Отзыв права на жительство

(1) Разрешение на жительство может быть признано недействительным только в случае, если иностранец 1. не имеет паспорта (или если он недействителен) или документа, его заменяющего (Paßersatz), 2. меняет или теряет гражданство, 3. ещё не въехал в страну или в случае, если 4. он теряет право на политическое убежище (Asylberechtigung), на статус иностранного беженца (Flüchtling), а также в случае, когда отпадают предпосылки параграфа 51, абз. 1 (ред. по парагр. 51, абз. 1 иностранца нельзя высылать в страну, в которой его жизнь или свобода находятся под угрозой по причине расы, религии, политических убеждений, гражданства или принадлежности к определённой социальной группе), и т. д.

Парагр. 44 Потеря права на жительство

(1) Право на жительство становится недействительным (помимо случаев истечения его срока или его отзыва), если иностранец 1. высылается из страны, 2. по причине постоянного, непреходящего характера выехал из страны, 3. выехал из страны и не вернулся в течение 6 месяцев или более длительного срока, установленного компетентным учреждением (Ausländerbehörde). (3) В соответствии с абз. 1, №3 иностранцу разрешается, обычно, выезжать и на более длительный срок, в случае, если он выехал по причине временного, преходящего характера и имеет unbefristete Aufenthaltserlaubnis или Aufenthaltsberechtigung или в случае, если пребывание иностранца за границей служило государственным интересам ФРГ.

Парагр. 45 Высылка из страны

(1) Иностранец может быть выслан из страны в случае, если его пребывание в ней угрожает общественной безопасности и порядку или если возникает серьёзная угроза интересам ФРГ...

Парагр. 48 Группы иностранцев, пользующиеся особой защитой от высылки

(1) Только в случае особой угрозы общественной безопасности и порядку может быть выслан иностранец, который

1. имеет Aufenthaltsberechtigung, 2. имеет unbefristete Aufenthaltserlaubnis и родился в ФРГ или въехал в страну в несовершеннолетнем возрасте, 3. имеет unbefristete Aufenthaltserlaubnis и находится в браке с лицом, указанным в №1 или №2, 4. "ведёт совместную жизнь" (Lebensgemeinschaft) с немецким гражданином, 5. пользуется правом на политическое убежище (Asylberechtigter), или имеет статус иностранного беженца (Flüchtling), или немецкий Reiseausweis в соответствии с договором о беженцах от 28 июля 1952 г. (BGBL. 1953, 2, S. 559).

Раздел 6

Парагр. 75 Сбор информации об иностранцах

(1) Ответственные за исполнение закона об иностранцах учреждения с целью проведения его в жизнь имеют право на сбор информации об иностранцах в рамках, необходимых для выполнения их функций, и правовых норм

(2) Информацию о себе сообщает сам иностранец. Однако сбор информации о нём может осуществляться и без его участия - в общественных и необщественных учреждениях (ред. у частных лиц), а также в иностранных представительствах.

(4) Учреждения (ред. суды, полиция), ответственные за ведение уголовных и гражданских процессов, обязаны сообщать о возбуждении дел в компетентные учреждения по делам иностранцев.

Раздел 9

Парагр. 105

Сенаты Земель Берлин, Бремен и Гамбург уполномочены приводить предписания закона об иностранцах в соответствие с особой структурой управления этих Земель.

Политическое убежище в "Зеркале Загадок"

Мнения авторов и читателей "ЗЗ" или "Роман в письмах"

Закон "Зеркала Загадок" об "азиле"

ЗЗoA 02.11.95 Параграф 1.

"ЗЗ" предоставляет в этой рубрике убежище
выразителям любых убеждений
(за исключением правозэкстремистских,
расистских, националистических).

О, Русская земля,
Ты уже за холмом!

"Слово о полку Игореве"

Как мы уже упоминали в нашей статье "Ладья без руля и ветрил" (стр. 12), исследование доктора Нелли Фрейнкман "Особенности психологической адаптации советских эмигрантов "четвёртой волны" в Европе", напечатанное в "ЗЗ" 1, вызвало большой резонанс. Некоторые читатели выразили в своих письмах недоверие к статистическим данным, опубликованным в этой работе. Приведём выдержку из одного такого письма, подписанного: "По поручению группы эмигрантов, обсудивших статью г. Н. Ф. 2/11 95 г. в библиотеке на Ораниенбург ЗЗ, Леонид Козорц, инженер":

"Статистические данные автора заставляют вспомнить высказывание одного видного б. советского руководителя: "ложь бывает трёх видов: дипломатическая, дезинформация и статистика". Так вот - о последней! Даже в странах СНГ она имела видимость научных исследований: проводилось анкетирование, ... подразделение на возрастные, профессиональные и другие группы, а у автора - голые цифры, неизвестно откуда взятые ... И самое главное: является ли её статья тем психо-терапевтическим лекарством для русскоязычных эмигрантов?"

Мы попросили автора статьи ответить на вопросы читателей.

Доктор Нелли Фрейнкман сообщила следующее:

Подобные исследования не раз проводились в Германии, США, Израиле, Канаде и др. странах не только с точки зрения изучения самого психологического феномена эмиграции, но и с психо-терапевтической целью: эмигранты должны знать динамику, противоречия и определённые закономерности своей психологической адаптации в незнакомой стране. Понимание общих закономерностей облегчает решение собственных проблем.

В 1991 - 92 гг. на базе Свободного Берлинского Университета было проведено пилотажное исследование в среде эмигрантов "четвёртой волны" из бывшего СССР. Данные этого исследования до сих пор ещё ни разу не были опубликованы. В период с 1993 по 1995 год нами ежегодно проводились так называемые лонгitudинальные исследования, в которых применялся выборочный опрос, охватывающий возрастную группу от 25 до 55 лет. При определении выборки (620 человек - в Берлине, Потсдаме, Дюссельдорфе и Ганновере), была соблюдена высокая репрезентативность результатов с учётом критериев надёжности и валидности (факторный анализ, В-тест и т. д.). Некоторые данные последних исследований (1993-95 гг.) мы и опубликовали в сентябрьском номере "Зеркала Загадок".

»Русский« Нью-Йорк

